

18+

ЮЛИЯ ТУТОВА

Теория и практика

Юлия Тутова

Теория и практика

«Издательские решения»

Тутова Ю.

Теория и практика / Ю. Тутова — «Издательские решения»,

На дворе 90-е. Кризисы, забастовки, безработица и безденежье — не слова, а часть повседневности. Поэтому, когда Владислав Валеев получает направление на студенческую летнюю практику в солидное учреждение, он считает, что вытянул счастливый билет в благополучное будущее. Но это лето станет для него целой школой взросления — с любовью, предательством, непростыми вопросами и неоднозначными ответами, правильность которых определяешь только ты сам. Тёплая история с погружением в ретро-атмосферу.

© Тутова Ю.

© Издательские решения

Содержание

Теория и практика	6
1. Как всё начиналось...	6
2. Большие надежды	9
3. Одноклассники	13
4. День первый	17
5. День второй	23
6. Новые соседи	28
7. Будни	35
8. Елена	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Теория и практика

Юлия Тутова

© Юлия Тутова, 2026

ISBN 978-5-0070-9783-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Теория и практика

1. Как всё начиналось...

— Скорее!

— Ну, проходите же! Не создавайте пробку!

— Ребята, чего застряли? Всем хочется домой!

— Кто-то тормозит! Эй, кто здесь тормоз?!

Группа студентов, только что получивших задание на летнюю производственную практику, беспечной гурьбой двигалась к выходу из аудитории. Все как один — шумные, весёлые и беззаботные, ровно такие, как и положено юности.

— Валеев! Владислав! — окликнул профессор, куратор группы, одного из проходивших мимо парней. — Позвольте задержать вас ещё на минутку!

— Да, Фёдор Иванович? — Влад подошёл к преподавательскому столу и посмотрел на профессора Воропаева открытым бесхитростным взглядом.

«Вот она — чудесная пора! — мысленно вздохнул тот с лирической грустью. — Время, когда ещё не набиты шишки. Когда преграды не останавливают, а заставляют ускориться... Когда всё наивно и легко. Правда: замечательное время! Жаль только, что так быстро проходит».

— Что, тоже торопитесь предаться летнему безделью? — спросил Воропаев с усмешкой, однако усмешка была добродушной, и Влад тоже улыбнулся.

— Не совсем. Тороплюсь, но не бездельничать: как раз по делам.

— Вот как! Серьёзным, надо полагать?

— Да: мы своим бывшим классом решили организовать встречу выпускников. В воскресенье. И вот теперь готовимся. Я в числе организаторов.

— О, встреча выпускников, говорите? Замечательно! Просто замечательно! Увидеть старых знакомых, узнать, у кого какие новости, — это очень интересно. Мы тоже на факультете время от времени устраиваем такие встречи для наших выпускников. Надеюсь, лет эдак через пять-десять вы с одноклассниками тоже к нам придёте.

— Обязательно! Как же не прийти?

— А может, и ещё раз побудете в роли организатора! Если, конечно, к тому времени не рванёте куда-нибудь на столичные хлеба.

— Не знаю, Фёдор Иванович! Это как сложится.

— Ну да. Но цели перед собой ставить надо! Я, кстати, как раз и хотел поговорить с вами о целях. И о перспективах. Возможных перспективах, — уточнил Воропаев. — Но — достижимых.

— Слушаю вас. — В глазах Влада отчётливо читалась пытливая любознательность — то, что так импонировало профессору. И чем, собственно, ему был так симпатичен сам Владислав Валеев. За такими ребятами — будущее! Вот кого следует поддерживать добрым советом и своевременным напутствием.

Аудитория опустела, и Воропаев благожелательно предложил:

— Присядьте. Это неформальный разговор, ни к чему не обязывающий. Просто хотел вам посоветовать кое-что с позиции старшего коллеги. Да-да, уже почти именно коллеги: у вас три курса позади! Осталось пару лет в стенах университета, и — простор! Все пути будут открыты. Ну, а пока вы ещё перед выбором, — профессор намеренно произнёс это со значением, — и вам предстоит проходить практику в облгосадминистрации. Непростое место, надо сказать! Но и не такое уж сложное: по силам тем, кто подходит к делу с умом.

Влад кивнул, пока ещё не вполне понимая, к чему ведёт профессор. Воропаев, тем временем, продолжил:

— Каждый год, за тот скромный период, что существует наша кафедра, мы делегируем туда несколько своих студентов. И на протяжении этих лет кому-нибудь из них впоследствии удавалось там трудоустроиться. Во многом — именно по результатам практики! Почему я так говорю? Потому что некоторых из ваших предшественников приглашали на работу прямо во время учёбы. Понимаете? Собственно, это то, чего можете добиться и вы, Валеев.

— Я понимаю.

Воропаев видел, что Влад слушает с сосредоточенным вниманием, жадно ловя каждое слово. Кажется, он не ошибся в своём студенте, — профессор отметил это с удовлетворением. Парень явно хочет повторить достижение самых успешных, а это было бы хорошо и для него самого, и для кафедры: какая ещё кафедра на факультете может похвастаться подобным успехом — студент стал сотрудником администрации! Да даже во всём университете таких мощных кафедр — раз-два и обчёлся. За это стоило побороться. Делясь с Владом своими рассуждениями, Воропаев несколько искажил действительность, впрочем, совсем чуть-чуть: прямо с практики в кресло областного чиновника у них забрали только двух студентов, с одного и того же курса. Тогда вообще подобрались такие: почти все — из семей недавних местных партийных или комсомольских боссов, не упустивших своё в постперестроечные годы. Крутой был выпуск! — Воропаев и сейчас не мог не отметить это с удивлением, вспоминая тех ребят. Ловкие, вёрткие... С бульдожьей хваткой советских пионеров и комсомольцев, с предпринимательской жилкой и жёсткой беспринципностью поколения ранних 90-х. А те двое, кого взяли тогда в администрацию, особенно выделялись, даже на фоне своих сокурсников. Странно, но почему-то уже следующий выпуск был не такой — беднее и пестрее, по своему составу тоже. Нынешний курс профессора — тот, на который перешёл Влад, — наоборот относительно ровный. Пару человек с положением, но больше тех, кто мог бы претендовать на «средний класс», если бы не поголовная бедность: конец 90-х — тяжёлые годы. Вот и по студентам это заметно: в основном — выходцы из обнищавшей интеллигенции. Но, может быть, им удастся больше, чем удалось родителям: выше положение и достаток, успешнее карьера. Теоретически у них есть возможности, жизнь сейчас бурная, даёт шансы. Как и этому парню — Воропаев посмотрел на Влада. Умный и толковый, хорошо учится, легко схватывает... Со здоровыми амбициями, с юношеским максимализмом. Пусть пробивается! И Воропаев закончил своё обращение к нему нарочито живо и ободряюще:

— В общем, дерзайте, Валеев! Будете на практике — проявляйте себя, покажите всё, на что способны. Заручайтесь доверием непосредственного руководства. И, не исключено, добьётесь успеха! Пример у вас есть.

— Да... Да, конечно. — Влад чувствовал себя несколько растерянным, пытаясь быстро проанализировать полученную информацию. Точнее, даже не столько саму информацию, сколько неожиданную степень доверия, которую только что проявил к нему куратор. Дать совет, как коллеге и товарищу... Поделиться мнением... Именно с ним, одним из многих других... Дорогого стоит! Вот как, оказывается! А он и не знал, что может рассчитывать на подобное отношение преподавателя! Но это ведь и ответственность — оправдать ожидания.

— Кстати, сколько в администрации будет ваших — помимо вас? — Воропаев будто прочёл его мысли. И уткнулся в список группы.

— Шестеро, — подсказал Влад.

— Ну да, ну да. Уже вижу. Но надежды возлагаю не на всех. Хотя среди ваших партнёров по команде есть и способные: Зубцов, например.

Теперь Воропаев решил создать для Влада ощущение конкуренции: чтобы не расслаблялся чрезмерно и не думал, что успех гарантирован. Нет, рано! Значит, не мешает подтолкнуть к борьбе: вся жизнь — борьба за выживание. Пусть включается.

— На Зубцова я бы обратил внимание: может показать результат, — продолжил профессор. — Способный. И к тому же дотошный, въедливый, скрупулёзный. Не упустит ни одной детали! Ценное качество. Да, а вот ещё есть у нас такая: Ломакина! — Воропаев покачал головой, словно пытаясь положением своей головы определить, к какой же категории лучше отнести Ломакину. — Тоже достойный конкурент! — наконец вынес свой вердикт Воропаев. — Очень старательная студентка. Звёзд с неба не хватает, но с чем нужно, справляется и идёт на красный диплом. Ну, и остальные: Шестакова, Лещук, Грабарь... — прочёл он по списку фамилии двух девчонок и парня. — Остальные вряд ли: им это малоинтересно. Но с них и спрос другой: пусть хотя бы выполняют положенный минимум. Вот такой расклад! — Воропаев оторвался от журнала и воззрился на Влада.

Тот понял, что от него требуется ответ.

— Я буду стараться. Это важно для меня! В самом деле: очень важно! Большое спасибо вам, Фёдор Иванович! — выпалил Влад несколько смущённо: такое непривычное общение с преподавателем... Не кажется ли эта реплика слишком панибратской? — Я имею в виду, за поддержку... И вообще...

— Ну, будет, будет! — покровительственно, но всё с тем же добродушием остановил его Воропаев. — Я дал вам совет, а там уж разберётесь. Пока трудитесь себе же на благо. Не ждите в один момент слишком многого. Иногда результат нарабатывается настойчивостью и долгим упорным трудом.

— Я и это понимаю. И не жду всего и сразу.

— Вот и правильно! Просто намечай себе цели и иди к ним. Ну, а сейчас перед вами другая цель, не так ли? — Воропаев не без лукавства усмехнулся. — Встреча бывших одноклассников!

— А, это! Ну конечно. Надо договориться насчёт кафе на вечер — как раз об этом меня просили наши девочки.

— Вот и занимайтесь. До понедельника у вас ещё три дня. Проведите их в своё удовольствие, а потом — за работу. Договорились?

— Да.

— Я рад. Успехов вам! И хороших выходных.

— Спасибо!.. — ещё раз уронил Влад, правда, уже меньше смущаясь. — Я могу идти?

— Конечно. Можете. Не смею вас дольше задерживать.

Влад подхватился из-за стола и заспешил к выходу, но притормозил, вдруг подумав, что, возможно слишком уж заспешил для столь уважаемого и перспективного человека, каким его вдруг сделали.

— До свидания, Фёдор Иванович!

— И вам до свидания, Валеев. Увидимся через месяц. Тогда и порадуете своими итогами.

— Думаю, что пораду, — весело кивнул Влад и, забыв о старательно напыленной на себя солидности, как напылили бы мешковатый, не по размеру костюм, выскочил в коридор.

Дверь захлопнулась.

— Молодость!..

Профессор с усмешкой качнул головой и тоже вышел из-за стола.

2. Большие надежды

Был вечер, а у Влада всё ещё не шёл из головы утренний разговор с Воропаевым. Не то чтобы Воропаев открыл ему нечто новое, нет: все на курсе знали о выпускниках последних лет, устроившихся на работу в областную администрацию. Но одно дело просто знать, и совсем другое — обсуждать это с преподавателем, который выбрал тебя для разговора. Теперь Владу рисовались самые приятные картины того, как может повернуться его дальнейшая жизнь: вот он, в костюме и галстук, на крыльце высокого здания, вот разговаривает с кем-то в строго обставленном кабинете — с кем-то солидным и серьёзным, а вот встречает какую-то важную делегацию. Он слышал, что есть департамент, отвечающий за внешние связи — деловые, культурные и политические. Хорошо бы попасть туда! Столько нового — новых встреч, знакомств, поездок, мест и событий. Тут же фантазия нарисовала ему ещё одну картинку: торжественный приём почётных гостей на городской площади. Шумно, празднично, многолюдно... Любопытствующий народ собрался посмотреть на происходящее. Журналисты щёлкают фотоаппаратами и тянут руки с диктофонами. Стороны обмениваются приветствиями, заверяют в партнёрстве и жмут друг другу руки, широко улыбаясь в объективы. Такое часто показывали по телевизору. Может, в недалёком будущем ему тоже доведётся заниматься чем-нибудь подобным? Устраивать визиты или наносить собственные. Всегда можно найти повод для взаимовыгодного сотрудничества! А может быть, он будет делать что-то другое, но тоже не менее увлекательное и важное: например, давать интервью в телестудии, комментируя ситуацию. Или заниматься аналитикой. Или решать какие-либо насущные проблемы.

Самой насущной из всех проблем вот уже который год была невыплата зарплаты — это Влад знал по собственной семье. Работы выполнялись, а деньги за них не платили. Иногда между предприятиями практиковался взаимозачёт. Иногда долги просто «повисали» на неопределённое время. И выбить их из должников обычно не представлялось возможным: тем тоже кто-то был должен... «Кризис неплатежей» — так это называлось официально. На деле же означало пустой кошелек и полуголодное выживание, когда экономить приходится практически на всём. Об остальных благах, более затратных, лучше попросту забыть.

На заводе, где работал инженером отец Влада, всё складывалось как раз по законам этого самого кризиса: зарплата здесь стала почти таким же праздником, как и Новый год — и по значимости, и по частоте. Время от времени какие-то перечисления всё же производились, но на ситуацию в целом не влияли: задолженность перед работниками из месяца в месяц росла в арифметической прогрессии. Завод кое-как барахтался, судорожными усилиями поддерживая себя на плаву. Но в принципе, в любой момент мог пойти ко дну — это было вполне очевидно. Пока спасали случайные заказы, в поиск которых были вовлечены все, кто мог хоть как-то участвовать. Влад видел, как старается что-то сделать его отец: на своей старенькой машине он мотался по городу и окрестностям, ближним и дальним, ища платежеспособных клиентов. Не столько в интересах завода, сколько ради семьи, ведь от результатов его усилий зависело и их собственное существование. Обычно эти усилия не увенчивались успехом... И не по вине отца: просто объективных оснований для успеха почти не было, ведь кризис распространился практически повсюду.

Правда, с некоторых пор финансовое положение в бюджетной сфере несколько выправилось, но промышленные предприятия в основном агонизировали, а то и вовсе умирали, таща за собой к медленному вымиранию целые города и посёлки. Это явление носило ещё одно официальное название: «экономическая депрессия», — а по сути, застой, упадок и нищета. Депрессия экономическая вполне логично вела к депрессии социальной. Общество, тяжело больное безденежьем, безработицей и безнадёжностью, непрерывно бурлило, угрожая взрывом. И без того уже людское недовольство периодически выливалось в локальные протестные акции, ино-

гда принимающие агрессивные формы: забастовки, пикеты, митинги... Об этом тоже нередко говорили в теленовостях и писали в газетах. Кто знает! — предположил Влад, — может быть, его профессиональные задачи потом, в дальнейшем, будут связаны как раз с решением подобных конфликтов? Насколько трудная, настолько же и важная работа: в университете они изучали социологию труда, макроэкономику и социальную психологию. В любом случае, чем бы ни пришлось заниматься, за любую задачу он был готов взяться со всем энтузиазмом, инициативой и самоотдачей молодости, жаждущей испытать собственные силы.

Владу не терпелось поделиться своими новостями с отцом. Тот всегда, ещё с детства, был для него и другом, и советчиком, к чьему мнению Влад неизменно прислушивался. Да и сами по себе эти их доверительные душевные разговоры в какой-то степени уже стали семейной традицией. Но сегодня, несмотря на пятницу, отец задерживался. Наверное, снова ездил то ли к старым должникам, то ли к возможным новым заказчикам. Оно и понятно: в последнее время дела обстояли совсем плохо. Большинство работников завода давно уже находились в бессрочных бесплатных отпусках, отец на работу пока что выходил — но что толку? Точно так же бесплатно. Влад вздохнул. Эх, поскорее бы его он сам смог подняться на ноги! Повезло бы ему с трудоустройством!.. Уж наверное, в администрации сотрудники не бедствуют: неужели власть сама себя обделит?

Наконец, во входной двери щёлкнул замок: отец.

— Привет, папа!

— Привет, Владик. Что, мамы ещё нет?

— Нет пока. Наверное, зашла к кому-то.

Мама, медсестра в поликлинике, задерживалась нередко: забегала после работы к кому-нибудь из знакомых поставить укол, измерить давление, занести лекарство... Приглашали её многие. Говорили, что у неё лёгкая рука, и сама она очень лёгкая и светлая. В просьбах мама никому не отказывала: и из сочувствия — природная доброта действительно была неотъемлемой чертой её натуры, — и ради дополнительного заработка. Раньше, в прежние безбедные времена, мама никогда не брала деньги за свои услуги, но с некоторых пор всё же отказалась от своего привычного принципа: какой-никакой, но то был дополнительный заработок, а в деньгах, после того, как почти остановился отцовский завод, они нуждались катастрофически остро. Копеечная зарплата медсестры, хоть и своевременная, едва позволяла сводить концы с концами.

— Ты тоже сегодня долго.

Влад грустно смотрел, как отец вешает свою потрёпанную ветровку. Заработать бы столько, чтобы купить ему новую! Вот бы он обрадовался и удивился. И вообще, всем бы купить какие-нибудь обновки! «Может быть, так скоро и будет», — обнадёжил он себя.

— Да вот нашлись покупатели, приезжали сегодня: интересовались автокраном.

— И что — продадите?

— Продадим, наверное. Всё равно стоит в гараже, только ржавеет. Постоит ещё пару лет — уже и не продашь. — Отец вздохнул. — А так — хотя бы деньги. Ну, а у тебя что нового? Выprovодили вас из университета? — Сменив тему, он улыбнулся.

— Выprovодили, — тоже улыбнулся Влад. — Сказали прийти через месяц — с отчётом по практике.

— Ну, практика — серьёзное дело! А опыт — лучший учитель. Сколько бы нам не рассказывали, сколько бы не давали умных советов, но пока не испытаешь всё сам, не прочувствуешь, что называется, на собственной шкуре, ничего толком не поймёшь и ничему не научишься. Так что всё правильно: практикуйтесь.

— Я разговаривал сегодня с Воропаевым... — Влад взглянул на отца. — Точнее, он сам завёл со мной разговор.

— И?..

— Сказал, что некоторые наши предшественники — из тех, кто выпустился в прошлые годы, — как раз устроились работать в областную администрацию после такой вот практики. Представляешь? И ещё сказал, что мне тоже стоит воспользоваться возможностью и попытаться туда устроиться. Он считает, что у меня могло бы получиться.

— А ты сам как считаешь?

— Я хочу попробовать. — В его голосе была решимость.

— Раз хочешь — надо стремиться.

— Я и стремлюсь. Давно. Помнишь, ещё когда только начинал учиться? Нам рассказывали на первых занятиях, что вот, ваша специальность позволяет работать во власти, даже в областной. Типа, мы готовим вас к этому. Да, кажется, тот же Воропаев и рассказывал! Мы сидели тогда с открытыми ртами: ну надо же! Отнеслись, конечно, по-разному: кто-то поверил, кто-то — нет, кому-то было всё равно. А я заинтересовался сразу же. И думал всё это время: что вдруг когда-то... однажды... у меня возьмёт и правда получится! Я старался идти к этому. Дать себе такой шанс. Теперь вроде бы шанс есть. И... мне нужна эта работа! Я хочу её получить.

— Ну, если ты уже решил, то и впредь, к намеченным целям! Бери от жизни уроки, получай тот самый опыт, делай из него выводы... Очень может быть, что ты добьёшься того, что решил. Если, конечно, приложишь все необходимые старания. И не встретишь немного везения: это тоже не помешает.

— А ты, папа? Какие ставил перед собой задачи? О чём мечтал?

— Да о том же, о чём и ты: найти себя, реализовать свои способности, получить признание, устроить свою жизнь... Правда, в мою молодость многое было по-другому было, чем сейчас: что-то проще, что-то сложнее... — Отец говорил ровным голосом. — Нас трудоустраивали по распределению, не приходилось искать, куда бы приткнуться, или сидеть без работы. Хотя с распределением могло и не повезти. Но мне повезло: и работа оказалась по душе, и коллектив подобрался дружный и сплоченный — даже не пришлось привыкать, приспосабливаться, как это часто бывает. И маму твою скоро встретил, и у нас с ней появился ты... И много чего ещё было хорошего. Но ты, Влад, живёшь в другое время, с другими требованиями и законами. Я не вписался в него — пролетел мимо. Почему? Наверное, во многом по своей вине: я не был к этому готов. И сейчас тоже не готов: стою, как будто на обочине, когда главное движение проносится мимо. Нас не учили жить в тех условиях, которые есть сейчас, не учили хитрить, ловчить, изворачиваться. Выживать, наживаться... В смысле, тому, что сегодня называют «бизнесом», а на самом деле — первичное накопление капитала. Или грабёж. А всё, чему нас учили, вдруг потеряло свою ценность. Стало пустым, бессмысленным... Да что там — смешным и глупым: ведь над тем, что было ценно нам, теперь принято только смеяться. Но вас уже жизнь научит — по вашей воле или нет: чтобы выжить в этой реальности, вы научитесь многому, и в той или иной мере усвоите сегодняшние уроки. Главное, чтобы остались людьми — вопреки всему не потеряли человечность. Я не хочу, чтобы ты уподобился тем, кто живёт ценностями, правилами и принципами сегодняшних дней — а точнее, без ценностей, принципов и правил. Тем, кто изворачивается, грабит и наживается на чужом бессилии и бедах, считая себя всемогущим. Но в то же время не хочу, чтобы ты жил в нищете, чтобы не видел никакого света, гнул спину просто за кусок хлеба. Я хочу для тебя лучшей жизни! Нормальной, с доступными современными благами... С возможностями для роста, для развития, для благополучия. Уж прости, что сейчас не могу обеспечить тебя всем этим в полной мере.

— Ну что ты, папа?! Разве я тебя в чём-то виню?..

— Я знаю, да и я не о том. Просто очень надеюсь, что однажды у тебя будет хорошая спокойная жизнь. Не с излишествами — без них можно обойтись. Но с тем, что необходимо для удобства, для счастья, для саморазвития. Мы с мамой всё делали ради твоего образования,

как ни пришлось трудно. И поддержим тебя всем, чем сможем, в твоей работе, когда она у тебя будет.

— Я тоже хочу вам помочь. И тоже хочу обеспечить вам эту нормальную комфортную жизнь — не такую, как сейчас: с унижениями этим безденежьем, с оглядкой на каждую копейку. Я хочу получить такую работу, которая позволит мне добиться моих целей. Хотя бы и в администрации.

— Эх, сын!.. — Отец потрепал его по макушке. — Главное — выбрать тот путь, который позволит быть самим собой и поведёт тебя именно по твоему назначению. Но что бы ты ни выбрал, мы тебя всегда с тобой — знай это.

— Конечно, пап, знаю, потому и хочу тоже вас как-то поддержать.

— У тебя ещё будет и время, и возможность. А эта работа в обл администрации... Она не идеальная, но и не такая уж плохая. Во всяком случае, думать о голоде тебе не придётся — это по нынешним временам самое ценное. Ну, и при желании — а оно у тебя, я вижу, есть — на такой работе можно и подняться: карьерных ступенек там достаточно. Мало ли! Вот станешь лет через десять большим человеком! — шутливо поддел Влада отец. — Будем тогда к тебе на приём ходить.

— По знакомству я буду принимать без очереди, — тоже отшутился тот. — А своих — в любое время.

— О, вот это я понимаю: настоящий чиновник! Уже и блат установил!

Оба они рассмеялись.

— В общем, дерзай, сын! — подвёл итог отец уже серьёзно. — Главное — стремиться. А дальше видно будет, что к чему. Не загадывай наперёд.

— Ладно, так и сделаю. Слушай, па, я к Селезнёву! — спохватился Влад. — Обещал к нему вечером заглянуть.

С Виталиком Селезнёвым прежде они учились в одном классе и в то время крепко дружили. После школы многие ребята разлетелись — по разным вузам, разным городам, кто-то уже и осел на новом месте — но Селезнёв, как и Влад, никуда не уезжал. Да и жили они через один дом друг от друга, так что до сих пор поддерживали приятельские отношения.

— Что, всё по этой вашей встрече одноклассников? Заговорщики!..

— Не заговорщики, а переговорщики, — весело поправил отца Влад. — Послезавтра собираемся! В воскресенье. И, кстати, именно мы с Селезнёвым сегодня договорились насчёт кафе!

— Ну, отлично! Значит, уже точно соберётесь. Что, много народу ожидаете?

— Да обещались вроде бы многие. С полкласса точно наберётся! И «классная» придёт... Так что должно быть неплохо.

— Конечно, неплохо: пообщаетесь, повеселитесь, вспомните школу.

— Ага! Теперь уже и не узнаешь, наверное, никого: давно не виделись. Представляю, как все изменились!

— Ничего, приглядитесь — и узнаете. Ну, давай, беги к Селезнёву! Раз обещал — надо делать.

Через минуту, хлопнув дверью, Влад умчался к приятелю.

3. Одноклассники

Однакоклассников и впрямь было трудно узнать: почти все повзрослели, а кое-кто даже посолиднел. Парни заметно возмужали, девочки, все как одна принарядившиеся, с макияжем и причёсками, выглядели настоящими барышнями. Многие были искренне рады друг другу после довольно долгой разлуки — даже те, кто раньше не особо дружил: тёплая, расслабленная атмосфера, общие воспоминания незаметно всех сблизили. А некоторое количество вина и коньяка — за встречу — только добавили всеобщей непринуждённости. Смех, болтовня, воспоминания, запоздалые признания так и лились со всех сторон.

— Ну, что? Кажется, всё удалось просто отлично, а? — Виталик Селезнёв по-дружески чуть толкнул Влада в бок. — Классно мы постарались!

— Да, мы молодцы.

— Вы молодцы и заслуживаете награды, — согласилась Настя, подружка Селезнёва. С Настей Селезнёв встречался ещё с одиннадцатого класса, и в планах у них значилось расписаться после окончания института. — Вот тебе твоя, дорогой. — Она поцеловала Виталика.

— А ещё? — Он задержал её возле себя.

Настя засмеялась и отстранилась:

— А ещё — потом. Владик, ты точно не хочешь остаться? Будет весело.

Учительнице вызвали такси, и она только что уехала, расчувствованно поблагодарив всех за вечер: таким многочисленным составом им не удавалось собраться уже давно. Было решено даже сделать встречу летом традиционной и собраться в конце июня на будущий год, а если получится — то и этой же осенью: отметить начало года учёбы. Однако, попрощавшись с учительницей, никто не спешил расходиться. Спонтанно родилось предложение продолжить посиделки в парке — благо, погода позволяла, а дежурные магазинчики с напитками и непритязательной закуской закрывались не раньше полуночи. Идея в основном получила одобрение: только некоторые, сославшись на другие планы или занятость, от продолжения отказались. Влад был среди последних.

— Что будет весело — это я вижу. Но не могу. — Он с сожалением пожал плечами. — Остался бы, если бы не завтрашний день.

— А я предлагал организовать на субботу! — заметил Селезнёв.

— Но в субботу не получалось у Валентины Ивановны, — напомнила ему Настя. — Это было бы некрасиво: встретиться по-нормальному после трёх лет и — без классной.

Селезнёв согласно кивнул:

— Ну да...

— Ладно, ничего, — успокоил его Влад. — Может, и правда соберёмся ещё осенью! Договорились же больше не теряться.

— Ловлю на слове! — моментально отреагировала Настя. — Про осень напомню. Слушай, Владик, а ты не проводишь Вику Литвиненко? Вам ведь в одну сторону! Она тоже собиралась уходить, но не хочет идти одна.

— Вику? Конечно, провожу. А где она?

— Там, с девочками. Сейчас! Я её позову.

Настя убежала. Селезнёв куда исчез тоже. Кафе почти опустело: внутри осталось всего несколько человек, кто-то курил, кто-то разговаривал. Одна парочка обнималась у стены, декорированной под натуральный камень. Девчонка страстно лгнула к парню, тот прижимал её к себе. Влад усмехнулся, глядя на них: похоже, для кого-то вечеринка сложилась по-настоящему удачно.

— Ну, вот и мы. — Перед ним появилась Настя, ведя за собой ещё одну девушку. — Вручаю тебе Вику, — пошутила Настя, — смотри не потеряй.

Он ответил на её шутку:

— Не потеряю, я во вменяемом состоянии.

— Я тоже, — откликнулась Вика. — Так что, думаю, и сама не потеряюсь.

— Вообще-то я в вас и не сомневалась. — Настя засмеялась. — Счастливо, ребята! Увидимся.

— Вам хорошего вечера. Виталику привет.

Они вышли на улицу. Уже совсем стемнело, пустынный бульвар освещали фонари. Влад искренне согласился составить компанию Вике, но сейчас, наедине с ней, почувствовал себя скованно. Школьниками они немного общались по мелочам. И в одиннадцатом классе вместе ходили на городскую олимпиаду по английскому. Но то было так давно! С тех пор всё сильно переменялось, в первую очередь, они сами. Он украдкой взглянул на свою спутницу — с макияжем и причёской она показалась ему довольно взрослой. Хотя в школе всегда казалась маленькой. Он помнил её худенькой девочкой с хвостиком, пухлыми губками и большими наивными глазами. А сейчас она другая. О чём с ней говорить? Что ей будет интересно?

— Спасибо, что не оставил меня одну, — сказала Вика, первой прервав молчание.

Влад пожал плечами:

— Да не за что.

— Надеюсь, это не я укоротила тебе вечер? Настя так стремительно сообщила, что нашла мне сопровождение!

— Нет, не ты, я сам его укоротил. Мне завтра рано вставать и нельзя опаздывать: у меня практика в облминистрации.

— В облминистрации? Тогда это серьёзно.

— Да, завтра первый день. Нас предупредили, что туда не пускают посторонних без согласования. Так что если опоздаю — останусь на улице.

— И что вы будете делать на практике?

— Скорее всего, что поручат.

— Может, увидишь кого-нибудь из больших начальников.

— Разве что случайно! Вряд ли нас поведут с ними знакомиться.

Вика засмеялась его замечанию и взглянула на него. Он тоже посмотрел на неё, теперь уже прямо. Короткое платье подчёркивало её стройную фигурку, светлые локоны падали на плечи.

— Но что-нибудь стоящее я всё-таки надеюсь увидеть, — добавил Влад. — Нас отправляют в отдел, связанный с политикой.

— Ничего себе! Круто было бы в таком работать!..

— Ну... в общем, да. Я бы не отказался. А ты, Вика? Почему не осталась на вечере? — Ему понравилось, что они мыслят в одном направлении, однако он сменил тему, не желая показаться заносчивым воображалой.

— Я подала заявку на участие в одном конкурсе. Завтра планирую засесть за исследование.

— Что за конкурс?

— По международной экономике. Надо проанализировать показательный этап экономического развития какой-нибудь страны: взлёт или падение. С собственными выводами и рекомендациями, как можно использовать имеющийся опыт.

— И какую страну ты будешь изучать?

— Есть пару вариантов... Хотелось бы заняться Скандинавией, но не знаю, найду ли материал. Вообще это всё займёт много времени. Но и результат того стоит: победители первого этапа приглашаются на научную конференцию, доклады издадут отдельной брошюрой, а это — большой плюс, если поступаешь в аспирантуру.

— Ты планируешь идти в аспирантуру?

— Ещё не знаю. Папа хочет, я — не очень. Мне нравится учиться, но я бы уже хотела пойти на работу. Кстати, призёрами научной конференции вроде бы интересуются аналитические исследовательские организации, так что с работой тоже может сложиться.

— Тогда тебе нужно постараться.

— Я так и сделаю. В прошлом году я участвовала, но не прошла отбор. Теперь учту свои ошибки. Поеду с утра в библиотеку!

— Я тоже хотел бы уже начать работать. Зарабатывать деньги, помогать родителям. И вообще проявить себя в чём-нибудь.

— А чем бы ты хотел заниматься?

— Трудовыми конфликтами: проблемами зарплат, закрывающихся предприятий, сокращений.

— Это очень сложно.

— Но и очень важно.

Они свернули с хорошо освещённого бульвара. В переулке, ведущем к их кварталу, освещение было слабым — впрочем, как и на основной части улиц спального района. На тротуар свет от фонарей почти не попадал, и они шли по проезжей части. Вслушиваясь в звуки ночи, Влад уловил позади себя негромкий шелест приближающегося автомобиля. Вероятно, очень дорогого автомобиля — судя по тому, как тихо работал мотор. Влад полуобернулся, и луч фар ударил ему в глаза.

— Осторожно. — Он быстро взял Вику за руку чуть выше локтя, мягко, но решительно отводя в сторону.

Машина проехала мимо, шелестя шинами.

— Ух... — Вика растерянно выдохнула. Её глаза испуганно блестели. — Я вообще её не видела!

— Ничего, — постарался ободрить Вику Влад, — так иногда бывает, когда отвлечёшься.

— Да уж, что-то я здорово отвлеклась... Ты меня просто спас!

— Да ну что ты! Всё нормально.

Влад только теперь заметил, что до сих пор держит Вику за руку, смутился и поспешно её выпустил. Но, может быть, наоборот — нужно было предложить ей взять себя под руку? В конце концов, здесь темно... Однако она уже отступила от него и шагнула вперёд:

— Идём?

— Да, идём.

Он пошёл с ней рядом, всё ещё немного растерянный. Эта дурацкая машина!.. Хоть и пронеслась мимо, а всё равно бесцеремонно сломала ту лёгкость, что возникла между ними, опять позволив возникнуть неловкости.

— О чём мы говорили? — спросила Вика. — Ах да! О работе.

— Точно. Хотелось бы иметь уже что-то постоянное... Но пока приходится довольствоваться случайными скромными заработками. На нашем факультете есть социологический центр. Время от времени ему заказывают соцопросы. Для их проведения привлекают студентов. Я обычно участвую.

— Это сложно?

— Не очень. Тебе дают адреса — район или улицу, который ты должен отработать, — и анкеты. Обычно это поквартирный обход — на улицах мы не работаем: так более качественно. Тебе открывают, и ты задаёшь людям вопросы.

— А как реагируют люди?

— Кто как. Некоторые категорически против, но с большинством можно поговорить, тем более опросы анонимные. Времени уходит много, зато и платят за каждую заполненную анкету. Правда, деньги иногда задерживают... Последний соцопрос был в начале мая, а мы до сих пор ждём, когда заплатят. Говорили, что вроде бы должны рассчитаться в ближайшее время.

— Везде так. И с зарплатами, и со стипендиями... На первом курсе нам не платили стипендии целый год! Сейчас, правда, немножко получше. Что же, надеюсь, вам и правда скоро заплатят эти деньги!

— Я тоже надеюсь на это. Поэтому и думаю, что работать в администрации было бы совсем неплохо: там уж точно платят вовремя.

— Это да! Вряд ли они сидят без денег, как остальные. Ну вот мы и пришли!

— Твой дом? — он кивнул на пятиэтажку. — Я помню: я ведь как-то приносил тебе учебник.

— Ну да, я тоже помню: перед олимпиадой. Я так волновалась! Это ты хорошо знал английский, а я просто дополнительно занималась с нашей учительницей для поступления, вот она и решила отправить меня тоже. И чтобы я лучше подготовилась, посоветовала мне тот учебник, что был у тебя. А ещё я помню, когда мы шли на саму олимпиаду, ты рассказывал о каком-то фильме... И мы всю дорогу смеялись.

— Точно, — улыбнулся Влад. — Это было перед Новым годом.

— Последний Новый год в школе... — Вика вздохнула. — Сегодня вообще столько воспоминаний! Хорошо, что у нас получился этот вечер встречи. И знаешь, мне было с тобой интересно.

— Мне тоже было интересно с тобой. Скажешь мне результаты своего конкурса?

— Конечно. А ты мне расскажешь, что там — в администрации. Ужасно любопытно!

— Признаться, мне тоже. Расскажу.

— Ну, пока?

— Пока.

Он решил подождать, пока она войдёт в подъезд. Вика уже поднялась на крыльцо, но вдруг обернулась.

— Владик!

— Да?

— Ты всё же не проспай завтра! — заметила она с коротким смешком.

Влад тоже беззвучно рассмеялся:

— Ладно! Спокойной ночи.

— И тебе.

Дверь за ней закрылась, и он, с весёлым азартом толкая перед собой камешек, пошёл к своему дому.

4. День первый

Обладминистрация гудела, словно растревоженный улей. Точнее, не сама обладминистрация, а небольшое помещение на входе, принимающее посетителей. Помещение было почти сплошь стеклянным, чем изрядно напоминало аквариум. Такой необычный, бессмысленно переполненный аквариум. И люди в нем метались, совсем как рыбы: бестолково и пронируливо. Дальше помещения-«аквариума» никого не пускали: непосредственно внутри здания, сразу за дверью, располагалась караульная вахта — то ли милиция, то ли какая охранная служба. Караульные спрашивали пропуска. Только те, у кого был пропуск, свободно проходили.

— Слушайте, ребята! — Наташка Шестакова, девочка из группы Влада, громкоголосая и бойкая, обратилась к собравшимся на крыльце практикантам. — Мы туда не проберёмся.

— Ну, естественно, наблюдательная моя, — тут же заметил ей острый на язык Грабарь. — А мы-то думали!..

— Подожди! — осадила его Наташка. — И я правда наблюдательная, между прочим: там в коридоре есть внутренний телефон. Надо позвонить — помните, нам говорил Воропаев? Тогда нас пригласят.

— А у кого есть номер? Кто записал?

— У меня есть, — первым откликнулся Влад, доставая блокнот. — Стойте здесь, я пойду позвоню.

Он пробился в тесный стеклянный коридорчик и осмотрелся. На стене действительно висел зелёный кнопочный телефонный аппарат. К нему выстроилась очередь. Влад пристроился в хвосте и стал ждать. Люди в очереди пришли и приехали на приём к чиновникам разных управлений. Одни разговаривали по телефону очень свободно: видимо, бывали здесь уже не однажды и неплохо освоились. Другие явно чувствовали себя не в своей тарелке и нервничали, что было понятно и по их манере держаться, и по голосам. Очередь продвигалась быстро: дозвонился, представился и — в сторону, ожидать, пока соответствующий чиновник закажет тебе разовый пропуск, а тётка ещё в одной стеклянной будке (аквариум в аквариуме) его оформит и выкрикнет твою фамилию:

— Иванов!

— Я! — Человек вырывается из ожидающей толпы и бросается к окошечку.

— Получите.

С бумагой в руках счастливый посетитель пересекает заветный порог и исчезает в глубине холла. Толпа оставшихся тем временем томится в ожидании: молча, или переговариваясь, или жалуясь на жизнь. Влад не успел особо вникнуть в разговоры вокруг: его предшественник сделал звонок и отошёл. Заняв освободившееся место, Влад посмотрел на зелёный аппарат, источник надежд для всех этих людей: вроде и не старая модель, но такой изношенный! Цифры почти стёрлись... И трубка с трещиной. Падала, что ли? Наверное, и не раз. Он снял надтреснутую трубку и набрал цифры внутреннего номера. Пошёл вызов...

— Слушаю, — почти сразу же обратился к нему приятный мужской голос на другом конце провода.

— Здравствуйте! Мы студенты, пришли к вам на практику... — неожиданно растерялся, подобно многим до него, Влад. — С вами говорили насчёт нас... Должен был говорить профессор Воропаев...

— Да-да! Студенты! Конечно же. — Голос в трубке отреагировал на его неуверенные реплики как будто даже с удовольствием: как на желанного гостя. И распорядился — вежливо, но твёрдо: — Ожидайте. Вас сейчас встретит наш сотрудник.

У говорившего была быстрая речь и при этом очень чёткая дикция. Если судить по голосу, то его обладатель должен был быть интересным человеком: вежливым, стремительным и собранным. Хорошо бы, чтоб это впечатление подтвердилось!

— Спасибо, — поблагодарил собеседника Влад уже без недавней робости. — Мы будем ожидать.

— Да, — подтвердил голос, — оставайтесь у двери. Через пару минут вас позовут.

Положив трубку, Влад пошёл к своим. Те по-прежнему толпились на длинном крыльце: Грабарь, Наташка и Ирка Лешук курили, Зубцов, по своей привычке слегка запрокинув голову, что-то рассказывал Светке Ломакиной, высокой, крупной девушке с чёрными волосами и причёской, как у француженок в старом кино. А может, и не у француженок... Может, тогда — когда очень давно — вообще была такая мода: ровно обрезанные волосы длиной до подбородка с загнутыми к лицу крайними прядями. Ломакина слушала Зубцова со снисходительной улыбкой и играла одной такой прядью.

— Ну что? — встретили Влада вопросом. — Нас примут?

— Примут. Сейчас спустятся за нами — кто-то из сотрудников. Просили ждать у двери. Пойдёмте.

— Докурю, — невозмутимо заявил Грабарь.

— Потом докуришь! Пошли уже! — одёрнула его Шестакова.

Кажется, они типа гуляют вместе — Шестакова с Грабарём... Хотя кто их поймёт! Сами-то они не говорят.

Грабарь вздохнул и забросил в урну сигарету. Все посмеялись: получилось действительно ловко.

— А если бы не попал? — ткнула его под ребро Шестакова.

— Прости, мамуля! — Грабарь скорчил рожицу: изобразил на лице виноватое, как у малолетнего шкодника, выражение. Все снова посмеялись и потянулись в «аквариум». Сбившись в группку, они пристроились недалеко от двери и наблюдали за снующими мимо охраны людей: туда-сюда, одни на вход, другие на выход.

— Это вы на практику?

Парень возник перед ними совсем неожиданно — в сером костюме, с аккуратной стрижкой и с такой непринуждённой манерой держаться, что невольно вызывал беззлобную зависть.

— Мы, — тут же подтвердила бойкая Шестакова.

— С административного менеджмента? — уточнил парень.

— Да, — подтвердила на этот раз Ломакина.

— Тогда вам со мной. Пойдёмте. — Он сделал приглашающий жест рукой.

Студенты стайкой двинулись за ним. На этот раз парень, проходя мимо охранника, небрежно кивнул ему и указал на студентов:

— Это к нам. Практиканты.

Охранник воззрился на них тяжёлым взглядом, однако ничего не сказал. Шаг — и гудящая самыми разными голосами стеклянная комнатуха осталась позади.

— Ого! — иронично уронил Зубцов, оглянувшись в сторону вахты. — Серьёзно.

— В этом здании полно таких, — тут же с оттенком безразличия откликнулся парень в костюме. — Не обращай внимания. Они малоприятны, но, в принципе, безвредны.

В просторном, довольно уютном фойе с пальмами в кадках и аквариумом — теперь уже настоящем, встроенном в стену, — тоже было многолюдно. Не настолько, как в стеклянной загородке, но достаточно, чтобы это бросалось в глаза. Возле всех трёх кабинок лифта собрались очереди.

— Здесь всегда столько народу? — чуть напряжённо спросила Ирка Лешук. — Или потому что понедельник?

— Всегда. Хотя понедельник тоже сказывается. Но у нас есть и другой вариант: пойдёте-ка сюда, — парень снова сделал приглашающий жест и направился в смежное фойе, легко преодолев лестницу в пару ступенек. Там было ещё две кабинки лифта. И никакой очереди. — Вот и всё. — Он улыбнулся.

— Будем знать.

— Конечно. — Парень внимательно обвёл глазами группу, словно что-то прикидывая. Все переглянулись. — Вы вроде бы не крупной комплекции, — объяснил он и нажал кнопку вызова. — Должны поместиться.

— Ну да!.. — воскликнул кто-то из девчонок немного взволнованно.

Это восклицание снова вызвало общий смех.

— Кстати, Виктор Мокроус, — представился сопровождающий и приветливо улыбнулся. Девочки мгновенно расплылись ответными улыбками и беззастенчиво уставились на Мокроуса.

Приехал лифт. Все вошли и действительно поместились.

— Я тоже учился на вашем факультете, — объяснил Мокроус, когда лифт — чистый, без царапин и надписей — практически бесшумно тронулся.

Его слова вызвали оживление среди студентов:

— Правда? Вы — наш выпускник? Здорово! А когда окончили?

— Три года назад.

Надо же! Вот и он — тот самый счастливчик. Живой «ориентир», о котором говорил Воропаев. Тот, кто олицетворял собой потенциальный успех. Встреча случилась так быстро, что Влад даже не успел опомниться. Почему-то он ожидал, что встретить кого-то из «своих» будет почти нереально: наверняка же они все страшно занятые люди! И вдруг — вот, один из «своих», в первую же минуту... Удивительно! И этот Мокроус... — Влад бросил на него восхищённый взгляд, — такой элегантный, уверенный, такой... беспечный! Это мало вязалось со всеми его прежними представлениями о братии чиновников, но в то же время делало мечту о работе здесь ещё более привлекательной.

— Как там преподаватели? — поинтересовался Мокроус. — Надеюсь, все живы-здоровы?

— Все в порядке: и живы, и здоровы.

— Не обижаете их?

— Нет, что вы!

Снова все рассмеялись.

— Да ладно, — Мокроус добродушно усмехнулся. — Я же знаю, что не обижаете. Кто у вас руководитель практики?

— Воропаев.

— А, старик Воропаев! У нас он тоже был. Привет ему. Приехали! — объявил Мокроус. Все вышли. — Запомните: наш этаж — седьмой, крыло — налево от бокового лифта и направо — от центрального. А теперь прошу за мной, я проведу вас к нашему руководству.

Студенты дружно зашагали вслед за Мокроусом по длинному коридору, устланному старенькой, ещё советской, ковровой дорожкой. Возле одной из дверей Мокроус остановился:

— Вам сюда. Подождите, я узнаю, смогут ли вас сейчас принять.

Он вошёл в кабинет, закрыв за собой дверь.

Все тут же начали тихо переговариваться, осматриваясь вокруг.

— Ну как вам?

— Ничего, но темновато.

— Это же коридор! А в холле очень светло.

— Окна там просто огромные!

— Чей это кабинет?

— Вон табличка: «Суховеев Юрий Дмитриевич».

— А Мокроус этот — такой классный! — вдруг с восторгом уронила Ирка.

— Что, понравился? — съехидничала Ломакина.

— Нет, ну он правда классный! — Лещук даже прижала руки к груди и закатила глаза.

— Скажешь, нет?

Раздался смех и хихиканье. Кажется, девчонки сошлись во мнении.

Дверь кабинета начальника отдела открылась, и в коридоре появился Мокроус.

— Одну минутку: Юрий Дмитриевич уже заканчивает рабочее совещание. А пока — небольшое объявление. Завтра принесите свои фотографии, формат — как на студенческий билет: вам закажут пропуска. И вы сможете входить в здание без звонков и без сопровождения. До этого вам придётся звонить снизу и просить, чтобы вас пригласили. Звонить будете сотрудникам, которые станут здесь вашими кураторами. Всё понятно? Отлично. Ждём, пока нас позовут.

Улучив минутку, когда рядом никого не оказалось, Влад подошёл к Мокроусу и протянул ему руку.

— Я Владислав. Валеев. Рад с вами познакомиться.

Тот ответил рукопожатием:

— Я тоже. Всегда приятно встретить университетских товарищей. Идёшь на четвертый курс?

Влад кивнул, и Мокроус тут же подхватил:

— Золотое время! Если останешься в нашем секторе — пообщаемся. Мой кабинет — вон тот, через один напротив. Заходи. Там нас трое, но ты не стесняйся: у нас все гостеприимные.

— Спасибо. Зайду обязательно.

Вот бы остаться с этим Мокроусом! В его секторе или даже в его комнате. Он и правда классный. Не в том смысле, конечно... Просто разговорчивый и лёгкий, без тени зазнайства. Наверняка, от него удалось бы узнать что-нибудь полезное!

— А как называется ваш сектор? Я бы хотел попасть туда.

— Политического анализа. Хочешь — скажи Юрию Дмитриевичу, что интересуешься этими вопросами. Думаю, он не будет возражать.

— Ладно. А вы давно здесь?

— Да уже достаточно.

— И как работается? — Влад не удержался от волновавшего его вопроса.

Мокроус посмотрел на него и неопределённо улыбнулся:

— Присмотришься — сам поймёшь. Ну, давайте, запущу вас на приём! Уважаемые практиканты! — окликнул он расползшуюся по коридору группу. — Попрошу всех сюда.

Он распахнул дверь. Все ввалились в кабинет дружной толпой и остановились у входа. Кабинет был небольшой, однако без лишней мебели, и оттого достаточно просторный: шкаф, стол, стулья вдоль стен с каждой стороны. За столом сидел высокий, если не сказать долговязый, седой мужчина, напротив него — молодая девушка.

— Здравствуйте! — раздался нестройный хор голосов.

Девушка улыбнулась. Мужчина ответил:

— Ну, здравствуйте. Проходите, рассаживайтесь. Чего же толпиться под дверью?

Хозяин кабинета оказался обладателем того самого голоса, с которым Влад говорил по телефону: он и сейчас звучал так же живо, вежливо и приятно.

— Суховеев Юрий Дмитриевич, — представился седоволосый мужчина. — Говорю на тот случай, если кто-то проигнорировал табличку на двери. Я начальник отдела, в котором вам предстоит проходить практику. Соответственно, на это время — и ваш начальник тоже. Буду строг, но справедлив, так что прошу не жаловаться. — Предупреждение прозвучало серьёзно, но глаза Суховеева засветились едва заметной улыбкой. — Вас рекомендовал нам Федор Ива-

нович Воропаев, мы знакомы с ним. Я искренне надеюсь, что мы с вами придём к взаимопониманию, и каких-либо эксцессов не будет. Полагаюсь на вашу разумность и ответственность. Мы хорошего мнения о вашем факультете — ваши старшие товарищи, бывшие его выпускники и наши нынешние сотрудники, тому поспособствовали. С одним из них, Виктором Викторовичем Мокроусом вы уже знакомы. С другой у вас как раз есть возможность познакомиться: Ковалёва Елена Сергеевна.

Суховеев кивнул на девушку, сидящую напротив.

Она? Эта девушка? Влад с удивлением повернулся и задержался на ней взглядом. Первое, что бросалось в глаза, были её темно-рыжие волосы и светлая матовая кожа, контрастирующая с волосами. И она, несомненно, хороша собой. Очень хороша. Хотя и не классическая красавица: узкое личико, короткий, вздёрнутый носик, острый подбородок. На высоких скулах отчётливо выделялись пятна искусственных румян: видимо, природная бледность не приносила ей удовлетворения собой. Тем не менее, эти пятна, хотя и явно выделяющиеся, шли ей, придавая лицу какую-то трогательность, даже беззащитность.

В ответ на слова Суховеева девушка обвела всех глазами и улыбнулась — лучисто и мило. Так, что захотелось улыбнуться ей в ответ. Влад замер: кажется, она посмотрела на него. Или ему показалось? Он не понял, так как уже в следующую секунду её взгляд сосредоточился на Суховееве.

— Мы гордимся своими работниками, — сказал тот. — Так что у вас есть с кого брать пример. Ну, а теперь ваша очередь представиться.

Первой вполне прогнозируемо отреагировала Шестакова, за ней по кругу последовали остальные. Называя себя, Влад обратился к Суховееву, но затем непроизвольно перевёл глаза на девушку. Как ни странно, она ответила на эту безмолвную просьбу о внимании и взглянула на него — теперь уже очевидно. И ещё раз улыбнулась — едва уловимо, чуть-чуть. Но он поймал эту её почти незаметную улыбку и улыбнулся тоже — точно так же. Этот невидимый остальным обмен приветствиями улучшил Владу настроение: а хорошо всё-таки складывается день! И практика, похоже, обещает быть хорошей.

— Ах, да! — спохватился Суховеев, когда знакомство закончилось. — Виктор, Елена, можете идти. И, Виктор! Спасибо за помощь с практикантами.

Мокроус вышел. Елена тоже поднялась и, стуча каблуками, проследовала к двери, элегантная, лёгкая и изумительно стройная. Влад проводил её глазами, но на этот раз она не оглянулась.

— А теперь, товарищи студенты, перейдём к главному. Всех вас я сейчас распределю между секторами, в которых вы и будете непосредственно трудиться весь последующий месяц, а также решать возникающие текущие вопросы. Итак... — Откинувшись на спинку стула, что только подчёркнуло, насколько он высокий, Суховеев взглянул на список студентов. — Шестакова Наталья, Лещук Ирина.

Девчонки переглянулись.

— Вы направляетесь в сектор мониторинга средств массовой информации — конец коридора, направо. Грабарь Анатолий, Зубцов Кирилл. Вы направляетесь в группу мониторинга общественного мнения и примете участие в проведении соцопросов населения области.

Грабарь тяжело вздохнул. Суховеев услышал его вздох:

— Что-то не так?

— Нет, что вы! — Грабарь поспешно изобразил удивление. — Всё в порядке. Больше того! Вы просто угадали со мной: соцопросы — моё призвание.

Послышались приглушённые смешки: все знали, что Грабарь — лентяй из лентяев, и возможность участвовать в проведении университетских соцопросов перестала соблазнять его ещё после первого курса.

Суховеев бросил на него ироничный взгляд:

— Рад за вас. И буду ожидать ваш дневник практики с особым интересом. — Снова раздались смешки: скорый провал Грабаря представлялся одноклассникам почти неизбежным. Суховеев невозмутимо продолжил: — Вам на восьмой этаж, Виктор вас проведёт. Идём дальше. Светлана Ломакина и Владислав Валеев. Что ж... — Он повертел в пальцах ручку. — Пожалуй, я оставляю вас у себя — в секторе политического анализа.

Вот повезло так повезло! Влад просто ликовал: не пришлось даже проситься. Он будет здесь — где Мокроус, где сам Суховеев... И эта рыжеволосая Елена: может, они ещё как-нибудь с ней пересекутся?

— Лично мне, к сожалению, не хватит времени уделить вам достаточно внимания, — объяснил Суховеев Владу и Ломакиной. — Поэтому вы будете работать с теми сотрудниками сектора, кому понадобится ваша помощь. Для начала я командирую вас к Нине Емельяновне Чарской — кабинет через один от моего. И последнее. — Он поднял глаза. — Как вы понимаете, в принципе, у всех вас есть шанс в какой-то момент оказаться нашими сотрудниками. — Влад напрягся и начал ловить каждое слово едва ли не с открытым ртом. — Не обещаю сейчас ничего конкретного, но мы приветствуем такое сотрудничество и возьмём вас на заметку — на перспективу. Посему мы должны изучить ваши способности, узнать, подходите ли вы нам. Для полноты впечатления я попрошу вас выполнить небольшое индивидуальное задание: провести собственное исследование — собрать информацию, проанализировать и в конце вашего пребывания здесь представить мне результат в виде реферата. Этот реферат и будет вашим шансом на трудоустройство. Запишите себе, что каждому из вас предстоит исследовать.

5. День второй

Отец посоветовал Владу держаться Мокроуса, дабы получать нужную информацию. А ещё — по возможности завести как можно больше знакомств и учиться у Нины Емельяновны, чтобы вникнуть в суть предстоящей работы. Насчёт первых двух советов Влад не возражал и был готов следовать им с радостью, но вот насчёт третьего его одолевали определённые сомнения: совсем не похоже, что эта Чарская может чему-то научить. Поучать — да! Воспитывать — тоже пожалуйста: за короткое знакомство она уже успела сделать несколько суровых внушений по самым пустячным поводам. Но вот учить... Стать настоящей наставницей в профессиональных дебрях... Нет, это вряд ли.

Нина Емельяновна, или просто Емельяновна, была немолодой, низенькой, довольно полной, но для своей комплекции весьма энергичной дамой, помешанной на порядке. Педантичность и дотошность — вот то, что отличало её в первую очередь. Кажется, в мире не было ничего, способного расстроить её больше, чем вещь, поставленная не на своё место, или дело, сделанное неаккуратно. Главной обязанностью Нины Емельяновны, по её словам, было планирование работы сектора, в ближайшей перспективе — работы предвыборной, и этим она чрезвычайно гордилась. В неменьшей степени она гордилась и своим тщательно вылизанным кабинетом: ни одной лишней бумажки, ни следа случайной небрежности. В первый же день Ломакина за глаза назвала кураторшу гримзой, во второй Влад готов был с ней согласиться: действительно, гримза! Въедливая, суевливая и ворчливая. С утра он уже получил несколько её колючих замечаний по каким-то ничтожным поводам.

— Владислав! — неожиданно одёрнула она его снова. — Что вы витаете в облаках?

— Я? Нет, не витаю... — растерялся он, застигнутый врасплох за собственными размышлениями, и почувствовал, что краснеет. Вот же дурацкая особенность — краснеть даже от самого малозначительного вранья. — Я слушаю.

— Тогда повторите, что я сейчас говорила.

Ну, вот! Ещё лучше: как в школе. «Повторите, что я говорила». Он вздохнул, подыскивая ответ. Ломакина метнула на него насмешливый взгляд.

— Я не помню, потому что отвлёкся.

— Отвлеклись? А я, между прочим, рассказывала вам, на каких принципах строится работа отдела. И какими нормативными актами вы должны руководствоваться, находясь здесь. Как вы собираетесь провести целый месяц в отделе, не зная основ? Или вы не собираетесь?

— Я собираюсь, конечно...

— Тогда прочтёте всё сами. Вот здесь, — она показала тоненькую брошюрку, — это закон о госслужбе. Изучите его, раз не хотите слушать готовое. Кстати, это пойдёт вам в плюс. — Емельяновна перевела взгляд с Влада на Ломакину. — Отметите у себя в дневнике, что познакомились с законодательной базой.

— Да, Нина Емельяновна. Спасибо, — поблагодарила Ломакина, старательно изображая скромность и прилежание.

«Всегда она такая, — подумал Влад, — перед преподавателями корчит из себя прилежную, благовоспитанную ученицу, перед сверстниками — дрянную девчонку. Интересно, какая же она в действительности?»

— Можно мне взять закон? — между тем, спросила Ломакина.

— Берите, Светлана. — Брошюрка переключалась от Емельяновны к Светке. — Вам пригодится: я вижу, у вас более серьёзный настрой, чем у вашего напарника. А вам, — обратилась она уже к Владу, — я бы посоветовала понять, что вы пришли сюда не развлекаться. Ладно, можете передохнуть: обеденный перерыв. Я ухожу и замкну кабинет. Так что подходите к часу. Не опаздывайте! Помните о дисциплине и о том, где вы находитесь.

Они вышли из кабинета. Ломакина куда-то побрела, не приглашая Влада с собой. Да так и лучше: она надоела ему за эти полдня. Хорошо бы отдохнуть от них обоих — и от Светки, и от Емельяновны.

Влад задержался в коридоре, раздумывая, что ему делать. В этот момент из кабинета напротив с шумом и смехом вышли несколько человек, среди них и Виктор Мокроус. После удручающей первой половины дня Влад воспринял встречу с ним почти как счастье.

— Здравствуйте! — шагнул он в его сторону и громко поздоровался.

— А, юная смена! — Мокроус отделился от своей компании и остановился. — Практикант! Как поживаешь?

— Да так... — Влад постеснялся сказать, что поживает он не очень. — Ничего.

— И куда направляешься?

— Пока не решил. Да и не знаю, куда здесь можно податься.

— Ладно, беру тебя под свою опеку: покажу окрестности. Вряд ли это сделает ваша Чарская.

— Это точно: она просто выставила нас на час за дверь.

— Она такая и есть. Никого особо не жалует, а молодёжь — особенно. Сочувствую, что Суховеев отправил вас именно к ней. Но, с другой стороны, меня ведь он тоже приставил к вам нянькой. — Мокроус улыбнулся. — Так что уже легче. Ну, начнём обход. И начнём с самого главного: с буфета.

Буфет на первом этаже больше походил на советского типа столовую и был полупустым: только за некоторыми столиками по двое-трое сидели мужчины в костюмах, ели и негромко переговаривались. Женщин было ещё меньше, тоже в костюмах или строгих платьях. Подойдя к прилавку, Влад понял причину малолюдности: цены. Питаться здесь мог позволить себе далеко не каждый. И уж точно эта роскошь не для него самого. Хотя сегодня придётся на что-нибудь раскошелиться: не оставаться же до вечера голодным. Он взял две сосиски с хлебом и чай. Мокроус не скромничал и выбрал себе салат, котлету с гречневой кашей, блинчики и кофе. Они сели за один из свободных столиков у окна.

— У вас недёшево!

— Раньше было дешевле — когда я только пришёл сюда. Тогда здесь были очень доступные цены и полно народу. А потом... — Мокроус сделал неопределённый жест рукой, — руководство сменилось, и политика поменялась: решили, что хватит заботиться о своих служащих — выгоднее зарабатывать деньги. И всё сразу подорожало. Поэтому здесь сейчас мало кто обедает: в основном те, у кого лет двадцать выслуги. — Влад обвёл зал глазами: действительно, почти все — немолодые. — На выслугу можно прокормиться! — засмеялся Мокроус. — А вообще мы здесь не очень богато живём — хотя снаружи все и считают иначе. С той зарплатой, которая у нас есть, шикавать не получится.

— Понятно. Я тоже думал, что вам хорошо платят.

— Хорошо? Что ты! Совсем нет. Только вовремя: это плюс. Всё остальное — минус. Так что для питания больше подходят эконом-варианты: поблизости есть магазинчики, там можно взять что-нибудь перекусить, выходит намного дешевле. Или пирожки — это по коридору сразу за поворотом.

— Да... Со стороны здешняя жизнь представляется немного по-другому.

— Поэтому я и сказал тебе вчера: осмотришься — сам поймёшь, что здесь к чему.

После буфета они прошли по нижним этажам — гардероб, лоток с пирожками, газетный киоск, огромный холл с портретами прошлых заслуженных деятелей, конференц-залы — и поднялись боковым лифтом на свой.

— Самое популярное место — вот это. — Мокроус показал куда-то в конец коридора. — Летом там у нас все и зависают. Ну, кроме Емельяновны, конечно! Так что захочешь отдохнуть — давай туда.

Как выяснилось, речь шла о балконе в торце здания. Балкон был просторный, на нём и впрямь могло разместиться сразу человек десять, и с него открывался прекрасный обзор, что давало приятное ощущение свободы. Влад посмотрел на раскинувшийся внизу город.

— Здесь правда классно!

Мокроус улыбнулся:

— Вообще-то сюда ходят в основном не за тем, чтоб полюбоваться красотами. А вот за этим. — Он достал из кармана пачку сигарет и зажигалку. — Будешь? — Мокроус протянул Владу сигареты.

— Ну... — Влад на секунду замаялся: курил он нечасто. Да и то исключительно за компанию, а не ради самого курения. Но сейчас компания вроде бы есть... И продолжить разговор ему хотелось. Он протянул руку и взял сигарету из пачки. — Спасибо.

— С какой-то стороны у нас не так уж и плохо — я не хочу, чтобы тебе так показалось. Просто со своими заморочками, к которым нужно привыкнуть.

— Ты уже привык?

— Конечно: за пять лет.

— Это тебя приняли сюда ещё в универе?

— Меня. — Мокроус ответил без какого-либо особого выражения и выпустил струйку дыма. — И ещё Костю Снегирёва.

— А Костя — это кто? Он тоже работает в вашем отделе?

— Сейчас нет. Начинал здесь, но потом перешёл в пресс-службу. Костя делает карьеру, — заметил Мокроус тем же ленивым, ничего не выражающим тоном.

— А ты? — спросил Влад с интересом.

— А я хожу на работу. Мне хватает того, что есть, — пояснил Мокроус. — Я не стремлюсь здесь кому-то что-то доказывать. А вот Костя... Он другой. Ему много надо: славы, признания, почёта. Был такой, когда мы учились, и теперь такой же. Рвётся наверх. Вот как раз сейчас он проходит стажировку в администрации президента.

— Правда?!

— Да, представь. А пару лет назад был в парламенте: выиграл по какой-то молодёжной программе. Есть такие — правда, о них мало кто знает: подаёшь заявку, если заинтересуешь конкурсную комиссию — проходишь собеседование, сдаёшь экзамен по иностранному языку. Ну, и... сколько-то там человек попадают в парламент помощниками.

— И он прошёл этот отбор?

— Прошёл. Я же говорю, Костя у нас всегда был «звездой». Он и учился лучше всех, и способностей у него хоть отбавляй, и цели одна выше другой. В пресс-службе он — признанный талант, на него не нарадуются. Но, наверное, свалит отсюда на повышение. И правильно сделает: чего ему здесь сидеть?

— А кто ещё здесь из вашего выпуска?

— Ленка.

— Эта та рыженькая? Что была вчера у Суховеева?

— Она самая. Ковалёва.

— А она... — Влад замаялся, подбирая слова, как лучше спросить. — Тоже такая же способная?

Мокроус весело и с удовольствием расхохотался:

— Очень способная! У неё вообще много всяких способностей. Может, ты уже заметил некоторые из них?

— Ты о чём?

— Значит, пока не заметил. Ну ладно, будет время оценить. Она пришла сюда позже нас — когда получила диплом. А в прошлом году в наш отдел приняли ещё одну девочку с факультета, Марину: может, обратил внимание? Полненькая блондиночка, заглядывала в буфет. Ещё

кто-то из наших есть в орготделе. Так что народу с факультета хватает. Возможно, и из вашего выпуска кто-нибудь добавится.

— Да, вчера Суховеев сказал, что хочет оценить наши способности. — Влад хотел спросить Мокроуса насчёт того индивидуального исследования, которое и станет решающим, однако не успел: по коридору к ним шли Шестакова и Лещук.

— Девочки, — Мокроус улыбнулся. — Привет.

— Да, привет. — Шестакова просто поздоровалась, Ирка Лещук стрельнула глазами и тоже улыбнулась. — Можно составить вам компанию? Поделитесь огоньком?

— Пожалуйста. — Мокроус достал зажигалку и зажег огонь. — Присоединяйтесь.

Девчонки закурили.

— Как у вас дела? — спросил Влад.

— Ой, всё супер. — Шестакова выпустила дым. — Сектор отличный, все молодые, начальница тоже. Мы договорились, что ходить будем по очереди, через день. Для отчёта нам дадут все материалы. Мы даже не думали, что всё так утрясётся.

— А вы как? — поинтересовалась Ирка Лещук у Влада.

— Возимся целый день с бумагами: изучаем законы, положения... Роемся в каких-то старых документах... Типа, знакомимся с архивом.

— И вас что, после обеда не отпустили домой?

— Похоже, что нет.

— Ничего себе. Это у вас такая гримза? Светка утром говорила. А нас уже отпустили. Зубцов тоже ушёл — встретили его возле лифта.

— Что там у них?

— У них там зашибись: соцопросы. Будут ездить по городам и опрашивать народ. Правда, им после каждой поездки дают выходные.

— Да, у нас практикуют опросы, особенно под выборы, — объяснил Мокроус. — Мониторинг общественного мнения. Хотя какой мониторинг? Подгоняют результаты под нужный формат, чтобы создать картинку. По идее, опросами должны охватывать всю область, но это редко получается: банально не хватает машин и бензина. Ну, и другие проблемы случаются... Но куда-нибудь ваши парни, конечно же, попадут.

— Грабарь в шоке. Думал тихо отсидеться, а тут всякие поездки. Но, сдаётся мне, он найдёт способ, как прогуливать. — Шестакова сбила пепел с сигареты в ведёрко — импровизированную пепельницу.

— Получит твой Грабарь от Суховеева, — заметила ей Лещук. — Слышала же, что он ему сказал: что будет к нему особо внимательным.

— Ну, а я что должна делать? За него ездить на эти соцопросы?

— Не знаю. Вставить ему мозги.

— У него своя голова есть. Я не собираюсь за него думать.

— Этот Суховеев правда такой суровый? — спросила Лещук. — Нагрузил нас вчера: дневники, рефераты...

— Он своеобразный. — Мокроус пожал плечами. — Уважает тех, в ком видит толк. Остальные ему просто безразличны: он их игнорирует. Но чтобы он обратил на кого-то внимание, нужно по-настоящему постараться.

— Грабарю подойдёт игнор, — усмехнулась Лещук. — Впрочем, нам тоже.

— Да, обойдёмся без его внимания: так спокойнее. Ну, что, пойдём, Ирка?

— Ладно, пойдём мы. — Лещук согласилась, хотя и без особого энтузиазма. — Пока всем.

Уходя, она обернулась на Мокроуса.

— Кажется, нам и правда не очень-то повезло, — заметил Влад.

— Думаешь, соцпросы лучше? В эту жару ты хотел бы мотаться по улицам и приставать к прохожим с вопросами? Нет, уж лучше поладить с Ниной Емельяновной. Вон она, кстати. — Мокроус посмотрел через стеклянную дверь. Влад посмотрел тоже: его кураторша, увешанная несколькими сумками, возилась с замком. — Иди к ней: пусть видит, что ты не опаздываешь. Вдруг ответ?

— Сомневаюсь, — вздохнул Влад, но всё же последовал совету.

6. Новые соседи

Время шло, а поладить с Емельяновной Владу так и не удавалось, несмотря на все попытки и старания: она смотрела на него косо и дёргала бесконечно. Близилась к завершению его первая неделя практики, а главными впечатлениями от пребывания здесь были только нравоучения, замечания и поддёрвки кураторши. И больше — ничего интересного. Ничего из того, что он себе представлял! Скука, рутина, пыльные папки, неинтересные бумаги, маленький унылый кабинет... Единственным, что вносило хоть какое-то разнообразие, было общение с Мокроусом, но общаться подолгу не получалось: у Мокроуса были и свои дела, и друзья. С остальными, кто работал на их этаже и «зависал» на балконе, Влад близко не сошёлся: как правило, все они были намного старше. Ломакина тоже куда-нибудь уходила, напустив таинственности, наморщив нос и придав себе важности, что, впрочем, выглядело только смешно. Да он и сам не имел желания расспрашивать, куда она ходит в перерыв, не то что ходить с ней вместе: достаточно того времени, что они и так вынужденно проводят бок о бок! Столкнувшись с Ломакиной в непосредственной близости, Влад открыл в ней много неприятных черт, а потому был только рад, когда освобождался от её общества. Зато Емельяновне она, кажется, пришлась по душе. Причин тому Влад видел две. Во-первых, сама Светка: в глазах Чарской она всё же сумела создать себе образ старательной и скромной отличницы. Во-вторых, Емельяновна была склонна питать к ней большее доверие, пусть и незаслуженное — исключительно в силу субъективных мотивов. Как-то, пребывая в благодушном настрое, она поведала, что в личной жизни ей не особо везло, вышла замуж она поздно — уже после сорока, детей у неё не было. Однако были две горячо любимые, обожаемые племянницы, красавицы и умницы, на старшую из которых отдалённо походила Ломакина. Вероятно, это и послужило главным основанием для лояльности. В целом же Нина Емельяновна и впрямь не жаловала молодёжь. Но если к юным особам женского пола в отдельных случаях — как с Ломакиной — с её стороны допускалась определённая снисходительность, то для лиц мужского пола подобное исключалось практически полностью: в парнях Емельяновна видела только бездельников, хулиганов, пустозвонов и вообще людей весьма неблагонадежных. Это её предубеждение Влад испытывал на себе ежедневно сполна.

Хотя было бы неправдой сказать, что Ломакиной вовсе не переподало упрёков: перепало, но в меньшем количестве, и высказывались они куда более мягко. Камнем преткновения между практикантами и Чарской стали обычные чашки: по мнению Емельяновны, их требовалось мыть сразу после чаепития, но ни Влад, ни Ломакина не торопились этого делать, оставляя свои чашки на столе, на подоконнике или того хуже — на шкафу. В таких случаях Емельяновна выходила из себя — хотя и здесь Владу доставалось сильнее.

Несмотря на относительную доброжелательность Нины Емельяновны, Ломакина постоянно учиняла ей какие-то мелкие пакости — типа разбросанных бумаг, устроенного сквозняка, перевёрнутого вентилятора... Правда, всякий раз умудрялась обставить всё так, чтобы зачинщиком и главным виновником выглядел именно Влад, тогда как она тянулась за ним лишь прицепом. Нина Емельяновна с готовностью проглатывала эту наживку, и во Влада летели все шишки. В какой-то момент, когда они с Ломакиной остались одни (кураторша куда-то отлучилась), он спросил её с недоумением:

— Зачем ты ведёшь себя так, Света? Чтобы она нас постоянно ругала?

В ответ Ломакина хитровато прищурилась:

— Это военная тактика. Всё очень просто: я хочу, чтобы мы ей надоели, и она нас выгнала.

— Выгнала?

— Ну, попросила перевести от неё к кому-нибудь другому — не такому вредному и скучному. Ведь кто может быть скучнее и зловреднее неё? Я, кстати, познакомилась с заместителем Суховеева — Николаем Ивановичем Куприяновым: мы разговаривали с ним на перерыве... Такой классный мужик! Он даже был бы не против забрать меня к себе, но только если Нина Емельяновна сама ему это предложит. Иначе получится, будто бы он ей не доверяет как нашей наставнице. Зато если бы она нас выгнала, я бы пошла к Куприянову. А ты бы мог пойти к своему Мокроусу. Поэтому я и пытаюсь навести её на мысль избавиться от нас: мне уже подсказали, что мы ей скоро надоедим.

— А если она нас не выгонит? — План Ломакиной показался ему глупым и сомнительным. — И нам придётся остаться с ней? И получать у неё оценки? Что тогда? Она же вlepит нам двойки! Я думаю, — сделал вывод он, — лучше нам поладить с ней, не провоцировать на конфликты и спокойно доработать. Может, так и не проще всего, но уж точно надёжнее.

В ответ на доводы Влада Ломакина, к его удивлению, фыркнула:

— Доработать? Я пришла сюда не для этого.

— А для чего?

— Завести полезные знакомства.

— Емельяновна — тоже довольно-таки полезное знакомство, — пожал плечами Влад.

Она расхохоталась обидным, неприятным смехом — как будто он сморозил какую-то чушь, и с иронией уронила:

— Разве что для тебя.

— Но она давно здесь работает, — начал объяснять он. — На хорошем счёту у начальства... С большим опытом, связями... Она — действительно вполне неплохое знакомство для начала.

— Владик, — Ломакина смирла его взглядом, полным насмешливого сожаления, — Емельяновна — женщина. А меня интересуют мужчины. Понимаешь? — Теперь он действительно начал что-то понимать. — Я ищу для знакомства мужчин. Так что можешь забрать её себе. Будешь мыть ей чашки! Ха-ха!

Влада обидел её противный смех, неприятно удивило её откровенное заявление, и он спросил:

— По-твоему, здесь самое подходящее место для знакомства с мужчинами?

— Ну, а где же ещё, как не здесь? В этом здании хватает мужиков и с положением, и с деньгами. Я не собираюсь отказываться! Да и сомневаюсь, что ты бы отказался, подвернись тебе возможность подцепить здесь какую-нибудь крутую девицу. А то нет? — ядовито улыбнулась она. — Так что не строй из себя скромника.

Влад не нашёлся сразу с ответом, потом решил сказать, что это она строит из себя скромницу, но пришла Нина Емельяновна, и разговор оборвался сам собой. Однако вовсе не прекратились попытки Ломакиной осуществить свою дурацкую «тактику». С утра она уже перепутала листы ксерокопий, которые требовалось сшить книжечками. И вряд ли на том бы остановилась.

Тем временем, Емельяновна затеяла «ревизию» в одном из своих шкафов, под завязку набитом папками, скоросшивателями, рулонами бумаг и брошюрками. Шкаф, как объяснила его хозяйка, был чрезвычайно важным, поскольку его содержимое всецело посвящалось разным избирательным кампаниям. в преддверии очередных выборов Емельяновне понадобилось освободить место для складирования новой порции документов. С бумагами нужно было обращаться очень осторожно, чтобы ничего не рассыпалось и не оказалось не на своём месте. Влад достал несколько тяжёлых папок и полез за следующими. Ломакина вертелась здесь же: рылась, по своему обыкновению, во всём, что попадалось под руку. Вид у неё был хитровато-озорной, как у непослушного, балованного ребёнка, и это наводило на мысль, что она всё же что-то задумала.

Влад заметил ей вполголоса:

— Света, ты бы лучше отошла и не мешала!

Она, однако, прикинулась, что не понимает, о чём он, и снова потянулась к верхней полке:

— Ну, подвинься! Я хочу посмотреть, что это. Вот это, цветное... Кажется, календарь, да?

— Не уроните! — Насторожившись, Емельяновна метнула сердитый взгляд, но опоздала: Ломакина потянула за цветной край какого-то плотного листа бумаги, и... Влад на мгновение зажмурился, уже понимая, что сейчас последует. Именно это и последовало: вся кипа папок, потревоженная резким движением, сначала неотвратимо посунулась, а потом заскользила вниз, и с грохотом посыпалась на пол — так, что и он сам, и Ломакина едва успели отскочить, и теперь в молчаливом ужасе смотрели на эту бумажную лавину.

Грохот стих, и на какое-то время в комнате повисла тишина. Потом её пререзал стон совершенно несчастной Емельяновны:

— Господи, что же это такое?.. Как же так?! Я ведь просила быть осторожнее... Просила не уронить!

— Извините... Это случайно получилось, — тихо проговорил Влад.

Ломакина стояла рядом и молчала, опустив в пол глаза. Он посмотрел на неё искоса: может быть, она тоже извинится? И объяснит, что всё-таки случилось. Что это её вина, а не его: ей эту выходку Емельяновна простит скорее, чем ему. Однако она продолжала молчать.

— Случайно?! — перестав сокрушаться, Емельяновна рассердилась. — Да вы посмотрите, какой устроили бардак! Видите? Нет, вы это видите?!

Бардак и впрямь был самый натуральный: на одной папке лопнули завязки, другая просто оказалась не завязана, и всё их содержимое высыпалось.

— Что вы на это скажете? — спросила она и упёрлась в него испепеляющим взглядом.

— Я же попросил прощения.

— А! То есть по-вашему этого достаточно? Достаточно для оправдания вашей бездумности и безалаберности?

На этот раз Влад тоже вспылil и возразил ей:

— Я не бездумный! И не безалаберный! Я не хотел, чтобы эти бумаги падали. Это вышло... — он посмотрел на Ломакину, по-прежнему стоящую с отсутствующим видом, и закончил свою реплику: — ...из неосторожности.

— Ну-ну. Ладно. — Емельяновна кивнула. — Хорошо.

Светка, наконец, удосужилась тоже подать голос и, повернувшись к Емельяновне, попросила:

— Не ругайте, пожалуйста, очень уж Влада! Это правда получилось само собой.

«Само собой»? Он опешил. И это всё, что она может сказать?! Ни слова объяснения, ни единого извинения, ни оправдания... Да уж, Ломакина со всей очевидностью умыла руки, предоставив отдуваться ему одному.

— Не надо оправдывать безответственность, — отрезала, между тем, Емельяновна. — Соберите это всё. Хотя бы просто сложите пока на стол.

Они в молчании принялись собирать папки. Влад, злясь на Ломакину, избегал встречаться с ней глазами. Она вздыхала и изображала сожаление. Как же! — он всё же метнул на неё сердитый взгляд. Сожалеет она! Сама всё это устроила по своему плану... А что должен делать он? Выдать её ему не позволяла совесть и воспитание — хотя Ломакина, вероятно, того и заслуживала! А чем ответить ещё, кроме как оставить себя в дурачках, Влад не знал. Возможно, лучше всего было бы поговорить с Ниной Емельяновной. Объясниться с ней и пообещать от своего имени, что ничего подобного больше не будет, что он приложит к этому максимум стараний. А Ломакина пусть делает, что хочет и что считает нужным. Сейчас Влад даже жалел, что не ездит с Зубцовым на соцопросы, пусть даже и в изнуряющую жару: всё лучше,

чем эта подловатая лживая Светка! И ведь ей, — он с удивлением украдкой посмотрел на неё, — совершенно не было стыдно! Даже неудобно и то не было.

— Светлана, — позвала Емельяновна, когда папки и бумаги перекочевали с пола на стол. — Я вас попрошу... — Она порылась в кошельке. — Купите мне бутылку газировки. В буфете дорогая, так что сходите, пожалуйста, в магазин: напротив нашего здания есть мини-маркет. Возьмите любую, только без наполнителя.

— Ну, конечно! — Ломакина напялила на себя маску милейшей наивности и послушания. — Я так и сделаю.

Светка ушла. Влад, оставшись наедине с Емельяновной, от неловкости не знал куда деваться. Хотя, наверное, именно сейчас был наиболее подходящий момент для того разговора, о котором он недавно думал. Но он не успел собраться с мыслями: Чарская заговорила первой.

— Владислав! — Она скорбно воззрилась на него. — Вы сильно расстроили меня. Больше того: разочаровали. Вы понимаете это?

— Понимаю.

— Хорошо, хотя бы так.

— Я ещё раз приношу вам свои извинения. Поверьте: всё, что случилось сегодня, — чистая случайность. И неосторожность. Но я уж точно совсем не хотел вас расстроить!

— Ваше раскаяние обнадеживает. Но видите ли, Владислав, наставлять вас на путь истинный у меня нет ни времени, ни желания. Более того: это даже не входит в мои обязанности.

— Да, — согласился он, не вполне догадываясь, к чему она.

— Из соображений этики я говорю с вами сейчас в отсутствие Светы и надеюсь, вам хватит здравомыслия не передавать ей содержание нашего разговора, так же как не передавать и другим. Тем более, напрямую то, о чём мы говорим, касается только вас. Вы свалились мне как снег на голову. Конечно, я согласилась принять вас к себе и стать вашим наставником — раз меня попросил об этом Юрий Дмитриевич. И я рассчитывала на взаимопонимание с вами, на то, что вы готовы к серьёзной работе. Но, как видно, нет. Более того: вы плохо влияете на Светлану.

— Я? На неё? — Влад едва не подпрыгнул от удивления и возмущения. Нет, ну это надо? Ломакина разыгрывает целые спектакли по заранее написанным сценариям — лишь бы довести Емельяновну до белого каления, — а он, оказывается, «плохо на неё влияет»! — Да нет же!

— Я ведь вижу, — пресекла его возмущения Емельяновна. — У вас в голове вовсю гуляет ветер. Я могу это понять: все взрослеют в разном возрасте. Но своим поведением вы подаёте Светлане дурной пример: она смотрит на вас и, к сожалению, тоже ведёт себя бездумно. Поэтому, чтобы не усугублять ситуацию, я вынуждена в отношении вас принять меры.

— Что вы имеете в виду?.. — спросил он совершенно растерянно.

Услышав её последнее заявление — о необходимости «приёма мер», — Влад забыл об остальных обидных глупостях. Сейчас его больше всего волновало то, что она придумала: жаловаться Суховееву? Поставить незачёт? Выпроводить с этой практики, сообщив профессору Воропаеву, что он прислал неподходящего студента? Представить его кандидатом в «чёрный список» на будущее — как непригодного к работе в областном управлении? Варианты предполагали разную степень последствий, но все были одинаково унижительны и неприятны.

— Всего лишь то, — отозвалась, между тем, Емельяновна, — что проблема требует решения. Попытаюсь устроить вашу дальнейшую судьбу в интересах всех сторон. Кажется, я знаю подходящий вариант. — Она потянулась к телефону и сняла трубку. Влад похолодел: Суховеев? Или Воропаев? Однако обе его версии оказались неправильными: — Мариночка? — спросила Емельяновна, и на её губах появилась фальшивая, будто приклеенная, снисходительная улыбка. — Здравствуйте! Зайдите ко мне на минутку, пожалуйста. Да, жду вас. Буду вам благодарна. — Она положила трубку и, наконец, объяснила: — Я подобрала для вас новое

общество. Думаю, вам оно подойдёт куда больше, чем моё: вы будете в восторге. Сможете развлекаться и бездельничать, коль уж вам так нравится. А Светлана получит возможность заняться делом. В общем, я прощаюсь с вами и передаю под начало других наставников.

Значит, ни жалоб, ни «незачёта», ни «чёрных списков»? Просто другие наставники? У него отлегло от сердца, но вместе с облегчением Влад испытал и приступ неожиданной весёлости: надо же, значит, план Ломакиной всё-таки сработал! Только сработал не в её пользу, а в его: ведь именно от него избавляется Емельяновна. Ломакина так упорно выставляла его злодеем, что Нина Емельяновна поверила в это. Как и в то, что сама Светка — тоже невинная жертва его злых умыслов. Он невольно улыбнулся, что не ускользнуло от Нины Емельяновны:

— Вам смешно? На вашем месте я не смеялась бы, а задумалась. Но, наверное, вы считаете иначе.

Ответить он не успел: дверь открылась, и на пороге появилась девушка, приятного вида блондинка, полноватая и ярко накрашенная. Та самая, о которой говорил Мокроус.

— Можно? — спросила она позволения войти.

Нина Емельяновна снова растянула губы в уже знакомой Владу улыбке:

— Конечно, Мариночка, проходите. И присаживайтесь: у меня к вам разговор.

Девушка уселась за стол — как раз напротив Влада и взглянула на него с любопытством.

— Это наша сотрудница, Марина, — представила её Емельяновна. — А это Владислав Валеев, студент и практикант. Вы уже знакомы?

— Нет, — ответила за них двоих Марина.

— Ну, значит, теперь познакомились. Видите ли, Мариночка, несколько дней Владислав и его однокурсница проходили практику под моим руководством. Но, к сожалению, для меня затруднительно уделять внимание сразу двум студентам. Поэтому я попрошу вас и ваших подружек, — произнесла Емельяновна с упором и вперила взгляд в свою собеседницу, — всю вашу милую девичью команду взять этого молодого человека под своё начало.

Блондинка пришла в замешательство:

— Да, Нина Емельяновна... Мы не против... Но Юрий Дмитриевич? Как он на это посмотрит?

— Не беспокойтесь насчёт Юрия Дмитриевича: я сама ему объясню. Вам это не сулит никаких неприятных последствий.

— Ну, если так...

— Именно так.

— Тогда мы, конечно, выполним вашу просьбу.

— Спасибо, Мариночка! Правда, вас это несколько стеснит... Но я знала, что на вас можно положиться. — Нина Емельяновна ещё больше расплылась в фальшивой улыбке.

Марина улыбнулась тоже, однако на её лице читалось напряжение: как будто ей не терпится освободиться от присутствия своей старшей коллеги. В этом Влад был с ней солидарен и проникся дружеским расположением.

— В вашем кабинете, кажется, есть свободное место? — поинтересовалась Емельяновна.

— Да, есть свободный стол.

— Как замечательно! Ну, в тесноте, как говорится, да не в обиде. При вашей не слишком большой занятости один студент-практикант не станет непосильной нагрузкой. Да и вам, — иронично заметила она Владу, — общество, которое я для вас подобрала, подойдёт куда больше, чем моё: всё-таки близкий возраст, воспитание, интересы... Найдётся, о чём поговорить и как сообща потратить рабочее время. Уверена, вы поладите!

— Конечно! — На этот раз оттенок иронии прозвучал и в голосе Марины. — Считайте, что уже поладили.

Влад посмотрел на неё с благодарностью, и она ему дружелюбно улыбнулась.

— Отлично. Я рада, что всё так легко устроилось. Ну, отпускаю вас, — объявила Емельяновна Владу, — можете идти и познакомиться со своими новыми соседками.

Влад поднялся, блондинка поднялась тоже. Он вышел из кабинета вслед за ней.

— Господи! Ты что, сидел в одной комнате с этой старой стервой? — тихо воскликнула она, едва за ними закрылась дверь.

— Ну да. Что же делать, если меня определили к ней?

— Кошмар. Я бы не выдержала! Повесилась бы уже. Или сбежала.

— Куда же я сбегу? Мне ещё получать отзыв и дневник подписывать. Этот месяц я здесь.

— Сочувствую.

— Она недолюбливает тебя?

— А кого она «долюбливает»? За редким исключением — почти никого. Слышал ведь, как она о нас отзывалась? С каким пренебрежением? Но теперь тебе будет легче! Мы и правда поладим — вот увидишь.

— Что же у вас за милая девичья команда? — полюбопытствовал он.

— А, это она нас так называет! — Марина засмеялась. — Меня и ещё двоих девчонок: мы сидим в одной комнате. Сейчас увидишь. Вот здесь мы находимся, заходи.

Он снова проследовал за ней.

— Девочки, я привела вам нового квартиранта! — объявила она с порога, и на Влада тотчас же уставились две пары любопытных глаз.

— Мальчик! — воскликнула одна из девчонок — худощавая, черноволосая и смуглая, и засмеялась. — Ещё и симпатичный! Марина, ты что, привела к нам мальчика?

— Какой милый! — с очаровательной улыбкой подхватила вторая, настоящая красавица. — Где ты его нашла?

Этот поток излияний — то ли искренних, то ли насмешливых, но в любом случае неожиданных, — привёл его в смущение: Влад почувствовал, как заливается румянцем.

— Отняла у Нины Емельяновны, — объяснила Марина. — Иначе она бы его съела.

— Ха-ха-ха! — Теперь рассмеялись обе девчонки. — Так ты его спасла? Ну и умница.

— Обидно было бы потерять такого приятного парня.

— Я тоже так считала.

— Не смущайте мальчика! — с искренним добросердечием попросила подруг красавица. — Девочки! Ну что он о нас подумает?! Не волнуйся, — она посмотрела на него своими большими лучистыми глазами и улыбнулась, — на самом деле мы не такие нахальные. Просто дурачимся. И мы уж точно не как Нина Емельяновна!

Глядя на неё, он тоже улыбнулся.

— Ты — точно нет! Ни капельки на неё не похожа.

— Приятно слышать! — рассмеялась она. — Как тебя зовут? Я — Анжела. Это Наташа, — кивнула она на тёмненькую. — Ну, и Марина — её, я так понимаю, ты уже знаешь.

— Владислав, — представился он.

— Владик? — переименовала она. — Очень приятно. Ты из тех практикантов, что у нас здесь сейчас?

— Да. Мы с понедельника проходим практику. Я и ещё одна моя однокурсница попали к Нине Емельяновне. Но я не очень ей понравился, и она решила переселить меня к вам.

— Ну, и хорошо, что не понравился: зато теперь ты с нами! — прощепетала Анжела.

— Владик с моего факультета, — сообщила Марина подружкам.

— Ещё один? Я смотрю, ваш факультет — просто кузница кадров для отдела, — съязвила тёмненькая Наталья и обратилась к нему: — Ты тоже собираешься у нас работать?

— Если получится.

— А вам что-то обещают?

— Сказали, что посмотрят по результатам практики. Возможно, кого-нибудь и оставят.

Наталья хмыкнула:

— Ага. А нам сказали, что будет сокращение.

— Сокращение?.. — Он растерялся. — Когда?

— В такие подробности нас не посвятили. Просто сказали, что одну или две единицы скоро сократят.

— Вот мы сидим теперь и думаем: кому же не повезёт стать той самой единицей? — подхватила Марина.

— Странно... Нам про сокращение ничего не говорили. — Влад почувствовал себя озадаченным. — Наоборот: Суховеев дал индивидуальные задания, по которым и будет отбирать...

— Значит, так и есть! Тебе нужно слушать то, что говорит Суховеев, — успокоила его Анжела. — В любом случае, он владеет информацией лучше нас! Может быть, где-то как раз будет создаваться новая единица, поэтому он и хочет к вам присмотреться.

— Слушайте, а может, если им сказали, что кого-то возьмут на работу, сокращения вообще не будет?

— Ну, Наташа! То, что сказали им, касается их. А нас касается то, что сказали нам.

— Ну да. Их возьмут, а нам дадут ногой под зад, — снова язвительно хмыкнула Наталья.

— Не истери раньше времени. Слушай, вам же ещё два года учиться? — вдруг спохватилась Марина.

— Да. — Влад утвердительно кивнул.

— Так может их потом возьмут! — обернулась Марина уже к Наталье.

— Здесь всегда такая путаница. Никто ничего толком не знает, — объяснила Анжела, отвечая на недоумевающий взгляд Влада. — Мы уже привыкли.

— Правда? Действительно, как-то всё странно...

— Не забивай себе голову нашими проблемами. Думаю, вам ещё объяснят, что к чему.

— Смотри, вот этот стол, — Марина указала на пустой стол возле двери, — у нас не занят. Можешь за ним располагаться.

— Ладно. Пойду только заберу свои вещи.

Влад вышел, закрыв за собой дверь, остановился в коридоре и перевёл дух. Ну, и день! Одни неожиданности. Девчонки в этой комнате, конечно, бойкие и говорливые, своими высказываниями легко вгонят в краску, но с ними уж точно не будет хуже, чем с Чарской! И ведь правда: хорошо, что она на него рассердилась больше, чем на Ломакину. Вот же та удивится, когда вернётся из магазина! Просто выйдет из себя: сама себя перехитрила. Ему представилось её удивлённая вытянутая физиономия и длинные глаза-рыбки, в которых теперь плескалась не насмешка, а разочарование. Он усмехнулся и направился к Емельяновне.

7. Будни

Поначалу Влад переживал, что Чарская пожалуется на него Суховееву, — ведь нужно же ей будет как-то поставить того в известность. Он даже поделился своим тревогами с Мокроусом, не вдаваясь, правда, в детали случившегося. Однако Мокроус успокоил его:

— Не думаю, что она будет жаловаться. Ведь то, что вы не смогли сработаться, это в первую очередь её «косяк»: ей было поручено взять вас под опеку, а она? Поленилась найти с тобой общий язык или — того хуже! — не смогла заинтересовать работой. В любом случае, не выполнила то, что была обязана. Нет, — он уверенно покачал головой, — она никогда не признается в таком! Скорее всего, скажет, что ты сам попросился к девочкам, потому что тебе там показалось интереснее. Или — что отправила тебя к ним в ознакомительных целях. В общем, сочинит что-нибудь, чтобы обойти острые углы. Так что забудь о вашем конфликте.

Вероятно, так и произошло, как предполагал Мокроус: Влад встретил начальника отдела в коридоре, но тот не задал вопросов и не сделал замечаний. Будто ничего и вовсе не произошло. А значит, в представлении Суховеева так оно и было.

Не происходило, впрочем, и ничего иного — из того, на что уповал Влад перед практикой. Он ожидал бурления жизни, а жизнь здесь оказалась неторопливой, однообразной и скучной. Люди приходили на работу и расплзались по своим кабинетам. Мужчины просматривали газеты, обсуждали новости и футбол, женщины поправляли причёски, а при необходимости — макияж и маникюр. Потом традиционно в каждой комнате пили чай или кофе — согласно бытующим предпочтениям. Потом велись нескончаемые разговоры: о политике и погоде, о сериалах, об общих знакомых, мужьях, жёнах и детях. Курящие по очереди отправлялись на перекур. Между разговорами понемногу делалась работа — без суеты, спешки, но обязательно с видом крайней важности и озабоченности. Если срочных дел не находилось, можно было продолжить болтовню или сходить навестить соседей. Хотя некоторые работники выбивались из общего ряда своей активностью, подобно Емельяновне. Рутинная ленивая реальность в небольшой степени удивила и разочаровала Влада: и это — то, о чём он мечтал? Никаких интервью, никаких встреч, приёмов и делегаций... Даже оперативных совещаний по острым жизненным вопросам — и тех не было! Точнее, может, где-нибудь они и были — он окидывал взглядом огромное многоэтажное здание, — но уж точно не вокруг него самого. И не вокруг тех, с кем он познакомился.

С новыми соседками Влад ужился без проблем: с ними действительно было легко и весело. Однако за несколько дней в их обществе Влад так и не понял, какие у них обязанности. Если Нина Емельяновна была занята хотя бы тем, что постоянно возилась с разными бумагами, то девочки не занимались вообще ничем. Точнее, занимались исключительно личными делами. Например, красавица Анжела трудилась над дипломной работой для своего мужа, служащего налоговой полиции: диплом ему требовался для карьерного роста. Блондиночка Марина коротала время за чтением глянцевого журналов, а черноволосая и черноглазая Наталья и вовсе бесконечно раскладывала пасьянсы на компьютере — единственном в их комнате и стоящим именно на её столе. Собственную бездеятельность они воспринимали как нечто естественное, не выказывая ни малейшего профессионального рвения.

Девочки были как будто предоставлены сами себе: начальство не обращало на них особого внимания, как и не заботилось об их судьбе. Но неужели так вообще могло быть?! Влад решил осторожно выведать у Марины: во-первых, они с одного факультета, и она держалась с ним по-приятельски. Во-вторых, Марина казалась дружелюбной и открытой, тогда как колючая Наталья не вызывала у Влада симпатии, а более старшей Анжелы он немного стеснялся, хотя она ему и очень нравилась. В-третьих, Марина тоже ходила покурить на балкон, а значит,

можно было поговорить без чужих ушей. Он дипломатично спросил её, много ли у них обычно работы. Она ответила, что нет — обычно немного. Но затем добавила:

— Хотя бывает и по-другому — когда грузят чем-нибудь.

— А часто бывает?

— Нет, не часто. — На секунду она задумалась: — При мне было раза два.

Всего лишь?! Влад едва удержался от возгласа удивления, что, конечно, было бы невежливо. Вместо этого он поинтересовался:

— Чем же вы обычно заняты?

— Да по-всякому. — Марина пожала плечами. — Мы вообще больше на подхвате.

— Как это? — не понял он.

— Когда что-то надо, нас привлекают. Например, когда проводятся какие-нибудь мероприятия. Или когда выборы. Тогда работы, говорят, просто валом. Но я выборов ещё не заставляла. — Осенью как раз намечались очередные выборы, и Марина громко вздохнула: — Вот скоро как раз и узнаю! Будем, наверное, здесь ночевать. Ух, горячее предстоит время!..

Осмыслив этот разговор, Влад многое воспринял по-другому и на многое у него как будто открылись глаза. В частности, на Виктора Мокроуса: на его постоянные отлучки, хождения из кабинета в кабинет по разным знакомым, чаепития и бесконечные перекуры на балконе. Дело не в том, что Мокроус удивительно быстро справляется с работой, а в том, что особой работы у него тоже нет. Как и у остальных. Влад вспомнил один эпизод, мимолётный, но показательный: однажды ему пришлось навеститься к Куприянову — взять у него какой-то документ. И что за картину он застал? Куприянов сидел за абсолютно пустым столом — даже ежедневника не было, — и лениво листал газету. Зам начальника отдела человеком оказался компанейским: он приветливо встретил Влада, поинтересовался его делами, учёбой, планами на будущее... После чего выдал требуемый документ и уткнулся в газету снова. Он тоже отбывал рабочее время! Подобно множеству других. Выходит, что все они были на подхвате? Девочки и Мокроус — у Куприянова, Куприянов — у Суховеева... А Суховеев? На подхвате ещё у кого-то, рангом повыше? Правда, когда Влад поделился своими размышлениями с отцом, тот успокоил его, заметив, что в подобном положении вещей нет ничего странного, что работа часто распределяется во времени неравномерно... Если люди, на первый взгляд, ничем не заняты, это ещё не означает, что у них не бывает ситуаций, когда они заняты едва ли не двадцать четыре часа в сутки.

— Правильно тебе рассказала Марина, — подтвердил отец. — Во многих сферах людям приходится то бездействовать, то пахать как лошадь, но на всякий случай всегда быть на подхвате. Можно, конечно, увольнять работников на период объективного «простоя» и набирать их заново, когда они потребуются — как это делается на сезонных работах. Но ведь обладминистрация не ферма и не стройка: здесь иные принципы организации труда. Органы власти не разбрасываются обученными, опытными да ещё и владеющими информацией сотрудниками только из-за их временной незагруженности. Государство может и должно себе позволять содержать их постоянно. В этом и ценность работы в таких структурах: гарантированный минимум относительно безбедного существования. И по-другому саму эту систему вряд ли построишь. Система функционирует циклически, но всегда должна быть готова к работе — будто по тревожной кнопке. Как те же пожарные, например... Если они ничего не тушат, это означает только то, что ничего не горит, а не то, что они бездельники.

«А чиновники, должно быть, стоят на страже общества от хаоса и беспорядков подобно тому, как пожарные стоят на его страже от пожаров», — Влад иронично продолжил мысль отца, которая при всей очевидной справедливости всё же казалась несколько нелепой. Да и сама привлекательность чиновничьей работы заметно померкла в его глазах. Как объяснить её смысл даже своим знакомым? Они поинтересуются у тебя, чем ты занимаешься на своей

должности, а ты ответишь, что ждёшь выборов, а до тех пор — ничем? Любой в ответ только посмеётся, и правильно сделает.

Ещё один день обещал быть таким же, как и предшествующие дни, когда Куприянов вдруг вызвал к себе Марину. Спустя минут пять та вернулась с какими-то бумагами и объявила:

— Нам задание: подготовить приглашения для ветеранов на встречу с областным руководством. Вот списки приглашённых. Пригласительные и конверты в малом зале заседаний. — Девочки выслушали её без всякого интереса, и Марина с обидой спросила: — Так что, может, кто-нибудь составит мне компанию? Или мне одной больше всех надо?

— Ну, это же тебя вызвал Куприянов, — буркнула Наталья, не отрывая взгляда от монитора. — Значит, тебе и надо.

— Ах, Мариночка! — пропела вслед за Натальей Анжела. — Я бы пошла с тобой, но зашиваюсь! — С совершенно расстроенным лицом она показала на разложенные на столе учебники. — Стасу в пятницу идти к научному руководителю, а тут работы непаханное поле... Вообще не представляю, как это успеть.

— Вы что, правда обе соскакиваете? — Марина сердито сверкнула глазами.

— Возьми с собой практиканта, — отозвалась из-за компьютера Наталья. — Он сходит с тобой.

— Правда? — с надеждой посмотрела на Влада Марина. — Владик, поможешь мне?

— Конечно. — Он искренне не понимал, почему отказались от работы девочки: разве это не их обязанности? Но и не менее искренне был рад помочь Марине: за два минувших дня он пересмотрел все немногочисленные рабочие папки, имевшиеся в кабинете, пролистал газеты и теперь изнывал от безделья. — Что нужно делать? Я тебе помогу.

— Спасибо! — поблагодарила она и добавила тихо: — Хоть один нормальный.

Девочки оставили её реплику без внимания.

Малый зал заседаний размещался в конце коридора — возле балкона. В ней рядами были расставлены мягкие светлые стулья, а напротив — несколько сдвинутых столов и небольшая трибуна. Сзади, у другой стены, стоял внушительный шкаф с деревянными дверцами.

— Здесь у нас проходят всякие рабочие совещания, — объяснила Марина. — С начальством, когда оно нас собирает, или встречи с гостями. Такие, как эта встреча с ветеранами.

— С ветеранами будет встречаться губернатор?

— Вряд ли. Да и если губернатор, то встреча будет проходить не здесь — в конференц-зале или в зале на одиннадцатом этаже. Но, скорее всего, встречаться будет кто-то из его замов. Губернатор вообще редко с кем-нибудь встречается.

— Потому что не умеет выступать? — спросил Влад. — Его же невозможно слушать.

Губернатор, человек пришедший во власть какими-то загадочными тропами практически из низов, был на редкость косноязычный. Публичные речи, которые он изредка всё же произносил, зачитывая с бумажки, оставляли унылое тягостное впечатление.

Марина хмыкнула:

— Это точно! Но где бы он этому учился? Говорят, у него даже нет высшего образования — то ли техникум, то ли вообще ПТУ... Это не очень-то афишируют. И руководил он колхозными стройками да тракторами. Так что привык разговаривать немного другим языком. Все речи ему пишут так, чтобы несложно было читать — Костя рассказывал. Однажды в тексте было слово «непоколебимый», а он прочёл «непокобелемый»...

Влад не удержал смехок, Марина тоже.

— Заметил, что что-то не то, прочёл заново и — то же самое! Ох и орал же он потом! С тех пор ему стараются писать без наворотов. И слова подбирают, чтобы легко выговаривались. Особенно прилагательные: никаких «всепобеждающих», «всеобъемлющих», «глобализированных», «гипертрофированных»... Всё должно быть предельно просто.

— Ничего себе! Ну, тогда понятно, почему он так редко где-нибудь выступает. А что же, когда он говорит перед вами?

— Перед нами? С чего ты взял? Он с нами не говорит.

Её слова удивили Влада:

— Разве он не встречается со своими сотрудниками?

— Ну, конечно, как же он без нас? — сыронизировала она. — За тот год, что я здесь, с нами встречался только его зам, наш куратор. И то всего пару раз — перед Новым годом и перед Восьмым марта. А, ещё однажды наведалься, когда нас собирал Суховеев: кинул пару замечаний и свалил.

— Так ты и не видела его?.. В смысле, губернатора.

— Лично — нет. Только на фотке. — Она кивнула на фотографию на стене. — Да мне и достаточно! Нет, ну, Суховеев, конечно, знаком с ним... И Куприянов, скорей всего, тоже. У него друг на одиннадцатом этаже — Серпухов Пётр Павлович, советник: на пенсии и всё никак не уволится. Они собираются иногда — вместе пьют водку. Куприянов и Серпухов, я имею в виду. И ещё некоторые... Такие же. Мы называем их «весёлые старики».

— Что, правда весёлые?

— Ещё какие! Как-то я встретила их вечером возле лифта после такой попойки, и Серпухов пригласил меня с собой в ресторан. Куприянову стало неудобно: всё-таки его я подчинённая. А Серпухов обещал шампанское и такси до дома.

— И чем закончилось? — полюбопытствовал Влад. Оказывается, здесь бывает даже такое?..

— Ничем. — Она усмехнулась. — Я ушла: что я, дура, что ли? Пить с ними шампанское... Ладно, давай работать. Я буду подписывать пригласительные. — Марина указала на бланки, похожие на открытки. — А ты раскладывай их в конверты и пиши на конвертах фамилии. Только надо ничего не перепутать! Чтобы фамилия на конверте соответствовала имени на приглашении. Иначе нам крепко влетит.

Они принялись за работу. Подписав изрядную пачку конвертов, Влад снова попытался привлечь Марину к разговору:

— Вы не очень-то напряжённо трудитесь. Не обижайся: я просто говорю. Сегодня — эти приглашения, а в прошлые дни ничего вообще ничего не делали. Это ведь скучно.

— Ну... — неопределённо протянула Марина, не поднимая головы от списка. — Нет, нормально. Хуже, когда долбят мозги. А у нас это любят — ты просто не сталкивался.

Она умолкла, погрузившись в бумаги. Однако вскоре объявила сама:

— Ну, хватит! Оставь эти открытки. Половина готова, а ко второй я всё равно припрягу наших красавиц: пусть не думают, что я буду за всех отдуваться. Позову их после обеда.

— Я спрашивал у Мокроуса про сокращение, — сказал Влад. — И ты знаешь, он вообще не беспокоится!

— А чего ему беспокоиться? — Марина пожала плечами. — Его-то оно точно обойдёт.

— Почему?

— Да потому: «крыша» у него. Я думала, ты в курсе. Ну да, это мы в курсе, а тебе откуда знать? Виктор здесь по протекции своего отца, а отец у него — крутой бизнесмен. Впрочем, тут почти все по чьей-нибудь протекции: со стороны сюда практически не попадёшь. Надо, чтобы о тебе замолвили слово. Чтобы был тот, кто тебя порекомендует.

Её слова насторожили его:

— А без этого что — никак?

— Не знаю. Может, как-то и можно... Но надёжней через кого-то. Ты же хочешь здесь работать?

Он кивнул.

— Тогда тебе надо обзавестись связями. И покровителем.

— А Суховеев? Разве он сам не решает?

— Честно — я не в курсе. Говорю только, как сюда попадает большинство. И обычно система такая: рекомендация. Или — папа, как у Мокроуса.

Влад расстроился: о такой системе он не думал. И ни денежного папы, ни рекомендации у него нет. Если действительно всё так, как говорит Марина, то за этот месяц ему не мешало бы завести влиятельное знакомство — Ломакина была права. Хотя и понимала «знакомство» по-своему... Но с кем же знакомиться? Раньше можно было бы попробовать поладить с Емельяновой — она и впрямь имеет некоторое влияние. Но теперь, после всего, что случилось, это исключено.

— Посмотри сам: почему здесь все так вольготно себя чувствуют? Да потому что за каждым кто-то стоит! С положением или деньгами. Даже в нашей комнате: у Наташки муж, у Анжелки — муж и папа. У других тоже кто-нибудь... Только прикидываются бедными-несчастливыми. Это я здесь сбоку припёку. — Она вздохнула. — Мой папа стоматолог, и один из его клиентов — из этого здания. Не самый надёжный вариант... Вот и получается, что главный конкурент на увольнение — тоже я.

— Может, обойдётся! — Он от души ей посочувствовал.

— На это и надеюсь. Впрочем, знаешь! Такая работа... — Она махнула рукой. — Ни зарплаты, ни перспектив — одна видимость, чтобы другие завидовали. Уволят — так уволят. Просто родителей не хочется расстраивать.

Марина задумалась. Влад тоже задумался. Надо же, как всё оборачивается... А он-то по своей наивности полагал, что и работа здесь денежная, и положение у всех высокое, и попадают сюда исключительно благодаря собственным заслугам! И так ошибся! Но всё равно это работа. И за неё платят. Вовремя. Значит, надо вдвойне постараться с рефератом для Суховеева: рассчитывать больше не на что.

— Послушай! Мне всегда было интересно: что там в шкафу? — Марина встряхнулась и снова стала привычно оживлённой и полной задора. — Пойдём посмотрим.

— Ну, пойдём, — согласился он.

Она открыла верхнюю дверцу и порылась на полке. Потом потянулась на полку повыше.

— Какие-то допотопные бумаги... Ещё советские: съезды партии. Кто их хранит?

Влад тоже заглянул в шкаф.

— Может, это типа музей?

— Это типа хлам. И пыль. — В подтверждение своих слов она чихнула и засмеялась.

Он засмеялся тоже:

— Вылезай оттуда, а то сама покроешься пылью.

— Подожди, на верхней полке какой-то ящик... Может, хоть там что-нибудь интересное?

Она подтащила стул, разулась и влезла на него.

— Тут, кажется, ёлочные игрушки! Да, точно! Так и есть: на Новый год у нас здесь стоит ёлка. Так вот где их прячут!..

Марина слезла с коробкой в руках.

— Смотри, дождики... Шары... Где-то ещё должен быть Дед Мороз.

Она принялась рыться на верхней полке.

Влад тоже покопался в коробке с игрушками: простенькие, самые обычные, не новые, на некоторых даже облупилась краска. И всё равно они казались такими трогательными — все эти цветные шары, сосульки и снежинки. На дне коробки лежал пышный красно-золотой бумажный бантик — видимо, с букета. На бантике даже осталась булавка. Он взял этот бантик и примерил его на сфотографированного губернатора — сначала прицепив его на рубашку вместо галстука-«бабочки», а потом и на голову. На лысеющей макушке холёного, самодовольного, толстощёкого губернатора яркий бантик смотрелся насколько несуразно, настолько же и смешно. Марина обернулась, в изумлении и растерянности широко распахнула глаза... Влад

тоже растерялся: как она воспримет его выходку? Однако в следующую секунду она уже залилась безудержным хохотом. Он тоже, уже не сдерживаясь, расхохотался. Она смеялась долго, до слёз, и, даже вытирая глаза, всё равно продолжала всхлипывать от смеха.

— Не могу просто... Вот это да! — с трудом проговорила Марина, взглянула на фото и разразилась новым приступом смеха.

В это время за дверью послышались голоса и звук шагов.

Оба они умолкли и замерли.

— Кто-то пришёл!.. Скорее прячь всё это!

Марина рванула от шкафа, на бегу захлопывая дверцы, Влад бросился снимать с губернаторской макушки бантик. Дверь со скрипом отворилась через мгновение после того, как он отскочил от стены.

— Ну, как вы? — На пороге стояли Анжела и Наталья. — И чего такие перепуганные?

— Ничего, — пожала плечами Марина, хотя вид у неё и впрямь был как у ребёнка, застигнутого за шалостями. — Писали приглашения — что же ещё? А вы чего пришли?

— Вас проведать. Вообще-то уже обед!

— Подумали, не слишком ли вы увлеклись?

— А если и увлеклись, то вы пришли на нас посмотреть? — уже справившись с собой, поддела подруг Марина.

— Нет, правда, — Наталья подозрительно уставилась на них, — чем вы тут занимались? И почему побежали как ошпаренные?

Влад сам не мог понять, что испытывает сильнее — неловкость или веселье: почему-то ему снова вспомнился весёлый красный бантик на круглой, поблёскивающей лысиной голове.

— Просто здесь новогодние игрушки, — с улыбкой сказал он, кивая на коробку, так и оставшуюся на столе. — Мы смотрели их, а тут вы. Мы же не знали, кто это!

— Я тоже хочу игрушки! — Анжела подбежала к коробке. — Дайте, дайте мне глянуть!

— А я хочу есть, — заявила как всегда сугубо практичная Наталья. — Вообще-то уже время! Эй, кто-нибудь кроме меня будет обедать? Умираю с голоду.

— Я буду, — откликнулась Марина.

— Я тоже, — сказал Влад.

— Тогда ты, Владик, сходишь за пирожками, — распорядилась Наталья. — Мне возьми три, с капустой. Вот тебе деньги.

— А мне два, — попросила Марина. — С яблоками. Деньги я отдам.

— А я встречаюсь с мамой, так что меня не считайте, — подала голос Анжела, перебирая шарики. — О господи, мне же пора бежать! — спохватилась она. — Мама, наверное, ждалась!

Анжела уже кинулась к двери, когда её окликнула Марина:

— Эй, ребята! Минутку внимания! Мы с Владиком работали два часа, а вы прохлаждались. После обеда ваша очередь. И не вздумайте отказаться! Всё должно быть по-честному.

— Ладно, ладно. — Анжела вздохнула, Наталья скривилась, но возражать не стала.

— И, пока вы пишите, мы два часа играем в «косынку»! — победно закончила Марина. Наталья скорчила ещё одну гримасу:

— Ну, играйте! А я пока поиграю с игрушками... И где, кстати, мои пирожки?!

Все засмеялись, и Влад вышел вместе с Анжелой.

8. Елена

Она шла по коридору — очень изящная и стройная, в светлом бежевом костюме. Влад узнал Елену по тонкой фигуре и тёмно-рыжим волосам. Он не видел её с того первого дня здесь, когда она была в кабинете у Суховеева, но мечтал встретить её снова. И вот, наконец, встретил. Влад быстро осмотрелся — вокруг никого не было. Следовательно, никто и не сможет ему помешать. Оставалось только набраться храбрости, пока она не ушла, и... Он зажмурился, вздохнул, открыл глаза и бросился за ней. А догнав, шагнул вперёд и приветливо поздоровался:

— Здравствуйте!

Она повернулась, сначала удивилась, увидев его, но затем её губы тронула улыбка:

— Здравствуй. Ты ведь практикант? Владислав, если не ошибаюсь?

— Да, — подтвердил он.

— Вас было много тогда у Юрия Дмитриевича — когда вы только пришли к нам. Но тебя я запомнила.

Влад хотел ответить, но запнулся в лёгком замешательстве: он был приучен обращаться к малознакомым людям на «вы», тем более, если эти люди были старше. Тем более, если ещё и стояли выше по статусу. Но сейчас его так и подмывало разрушить это правило и сказать ей просто «ты» — так же, как она ему. Так же, как они общались с Виктором, с Анжелой. Раз с ними допустимо, то почему с ней — нет? «Вы» не привлекало его, поскольку сразу же создавало барьер, подчёркивало разницу их положения и его собственное признание этой разницы. Ему же хотелось убрать все барьеры.

— А ты — Елена, — сделав небольшое усилие над собой, сказал он вежливо. Она не возмутилась и не возразила, и он продолжил уже смелее: — Я тоже запомнил тебя.

— Правда?

— Конечно. Как можно было тебя не запомнить? — простодушно признался Влад.

Елена оставила его слова без ответа, но снова улыбнулась, чуть приподняв брови, и поинтересовалась:

— Как твоя практика? Как работаете у нас?

— Всё в порядке. Работается... Так же, как всем здесь. — Обученный Мокроусом, Влад без труда подобрал подходящий ответ — обтекаемый и по-своему остроумный.

Она засмеялась, при этом заметив:

— Я так понимаю, ты уже вошёл в курс дела.

— В общих чертах. — Влад вспомнил, что остановил её посреди коридора, и спросил: — Ты куда-то идёшь? Можно мне с тобой?

— Можно. — Елена дружелюбно улыбнулась. — Только я иду совсем недалеко: к лифту. Мне надо на пятый этаж.

К лифту?.. Его постигло разочарование: а он только понадеялся, что удастся пройтись с ней и поговорить!..

— А ты куда шёл? — в свою очередь, спросила и она.

Он никуда не шёл. Точнее, возвращался к себе после прогулки по балкону и пустынным коридорам. Но говорить это не хотелось, и Влад ответил уклончиво:

— Да в общем... я так, по месту. Может быть, мы сходим на пятый этаж пешком? — вдруг предложил он, сам не ожидая от себя подобной смелости.

Елена снова посмотрела на него с удивлением — как и тогда, когда он только подошёл, — и он поспешно объяснил:

— Заодно бы немножко пообщались. Мне интересно познакомиться с теми, кто здесь работает — особенно с нашими. В смысле, из университета. Мы и с Виктором часто разговариваем, и с Мариной...

— Да? Что ж, я не против пообщаться, — Елена улыбнулась, — просто я не люблю ходить по лестницам. На каблуках от этого мало удовольствия!

Влад машинально взглянул на её аккуратные «лодочки». А заодно и на её практически идеальные ноги.

— Но знаешь, что? — продолжила она, делая вид, что не заметила его взгляд. — Сейчас я тороплюсь, а вот чуть попозже ты бы мог зайти ко мне.

Зайти? К ней? На этот раз пришёл уже его черед удивляться, если не сказать больше: опешить от изумления. Он едва рассчитывал на то, что Елена даже просто вспомнит его а, вспомнив, удостоит нескольких общих фраз. Однако она его вспомнила... И удосужилась с ним поговорить... А теперь и это? Приглашение в гости? Определённо, она ломала все его шаблоны!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.